

Univerzita Karlova v Praze

Filozofická fakulta

Ústav východoevropských studií

Diplomová práce

Mgr. Olga Leshkova

Образ иноземцев в памятниках московской письменности

о Смуте XVII века

Image of Foreigner in Moscovian Texts

about Time of Troubles of 17th Century

Obraz cizince v moskevských textech o Smutě 17. století

Praha 2015

Vedoucí práce: PhDr. Marek Příhoda, Ph.D.

Ráda bych poděkovala svému vedoucímu diplomové práce panu PhDr. Marku Příhodovi, Ph.D. za cenné rady, odborný dohled, trpělivost a vstřícnost, kterou mi v průběhu zpracování diplomové práce věnoval.

Prohlášení:

Prohlašuji, že jsem tuto diplomovou práci vypracovala samostatně a výhradně s použitím citovaných pramenů, literatury a dalších odborných zdrojů.

V Praze, dne 18. июля 2015

.....

Olga Leshkova

Аннотация

Дипломная работа посвящена проблематике анализа образа иноземцев в памятниках московской письменности XVII в., повествующих о событиях Смутного времени (Смуты), а также специфическим особенностям представлений о влиянии иноземцев на духовное и политическое развитие Московского государства в контексте идеи православного царства. Ввиду того, что восприятие иноземцев на Руси XVII в. формировалось под влиянием существовавших в Московском государстве религиозно-философских представлений, отдельное внимание в дипломной работе уделяется вопросу генезиса ключевых концептов религиозно-философского мышления Московской Руси. Посредством дискурсивного и компаративного анализа автор постаралась решить следующие задачи: 1) реконструировать процесс становления московской религиозно-философской мысли до начала XVII в.; 2) детально проанализировать различные аспекты выбранных для данной цели московских текстов о Смуте первой половины XVII в. с точки зрения реализации в них образа иноземцев; 3) включить проблему восприятия иноземцев на Руси в более широкий культурно-исторический контекст, прежде всего с учетом соответствующей письменной традиции. Дипломная работа основана на памятниках московской письменности, созданных непосредственно во времена Смуты, и текстах, написанных уже после ее завершения (вплоть до середины XVII в.), что позволяет применить компаративный подход к анализу отражаемых в них событий. При написании работы также использовалась разнообразная специальная литература по указанной проблематике.

Ключевые слова:

Смута, Смутное время, иноземец, иностранец, иноверец, памятник литературы, Московская Русь, иноземное влияние, православное царство, православие, еретик, Иван Тимофеев, Авраамий Палицын, Иван Хворостинин

Abstract

The objective of the master's thesis is to analyze the image of foreigners in Moscovian texts written during the Time of Troubles and soon after it in early 17th century. The thesis will also focus on the perception of foreign influence on political and cultural development of Russian state and society. Due to the fact that the perception of foreigners in Muscovite Russia can be regarded in many aspects as a result of traditional religious and historical thinking concepts which had been widespread in the country by the end of the 16th century, we will pay particular attention to the formation of medieval Moscovian thinking. By means of discourse and comparative analysis we will try to fulfil the following goals: 1) to study the religious and historical thinking formation process in medieval Russia up to the beginning of the 17th century; 2) to analyze various specific features of Moscovian texts from early 17th century in terms of foreigners' perception; 3) to put the issue of foreigners' perception into a wider cultural and historical context, especially with regard to appropriate literature and thinking tradition. This study is based on Moscovian texts of different nature, which reflect the Time of Troubles. We also use a wide range of appropriate secondary literature.

Key Words:

Time of Troubles, foreigner, literary monuments, Muscovite Russia, foreign influence, Orthodox tsardom, Orthodoxy, heretic, Ivan Timofeyev, Avraamy Palitsyn, Ivan Khvorostinin

Abstrakt

Diplomová práce se zabývá otázkami obrazu cizinců v moskevských textech ze 17. století, popisujících Období zmatků (tzv. Smuty), a specifickými rysy soudobého vnímání vlivu cizinců na duchovní a politický vývoj Moskevského státu v kontextu ideje pravoslavného carství. Jelikož soudobý pohled na cizince je bezprostředně ovlivněn náboženským a historickým myšlením Moskevské Rusi, v práci se rovněž uvádí přehled geneze jeho klíčových konceptů. Pomocí diskurzivní a komparativní analýzy autorka se snažila naplnit následující cíle: 1) rekonstruovat proces geneze náboženského a historického myšlení v Moskevské Rusi do začátku 17. století; 2) pečlivě zanalyzovat různé aspekty vybraných moskevských textů o Smutě z první poloviny 17. století z hlediska pohledu na cizince; 3) zařadit problematiku vnímání cizinců na Rusi do širšího kulturního a historického kontextu, zejména s ohledem na soudobou písemnou a myšlenkovou tradici. Práce se zakládá na pramenech sepsaných během samotné Smuty a pozdějších textech (až do poloviny 17. století), reflektujících události Období zmatků s určitým časovým odstupem, což umožňuje uplatnění komparativního přístupu. Zároveň se používá relevantní sekundární literatura zaměřená na uvedenou problematiku.

Klíčová slova:

Smuta, Období zmatků, cizinec, literární památky, Moskevská Rus, cizí vliv, pravoslavné carství, pravoslaví, kacír, Ivan Timofejev, Avraamij Palicyn, Ivan Chvorostinin

Оглавление	<i>стр.</i>
Введение	8
Краткий обзор источников	13
1 глава. Религиозно-философская мысль в Московской Руси	25
1.1 Смутное время в России как исторический и духовный феномен	25
1.2 Генезис ключевых религиозно-философских концептов и понимание природы власти в Московской Руси	30
1.3 Основная проблематика памятников московской письменности первой половины XVII в., посвященных событиям Смутного времени	39
1.3.1 Традиционные мотивы	39
1.3.2 Причины Смуты и пути ее преодоления	42
1.3.3 Законные и ложные цари	44
1.3.4 Оценка событий Смуты	49
2 глава. Образ иноземцев в памятниках XVII в. о Смутном времени	50
2.1 Религиозная принадлежность как основной фактор отношения к иноземцам	50
2.2 Идея богоизбранности Московского царства	51
2.3 Религиозное противостояние	55
2.4 «Польские и литовские люди и русские изменники»	60
2.5 «Сын тьмы, сродник погибели»	63
2.6 Об образах некоторых исторических личностей	65
2.7 Некоторые положительные замечания об иноземцах	67
Заключение	71
Литература	76

Введение

Дипломная работа посвящена исследованию образа иноземцев в памятниках московской письменности первой половины XVII в., повествующих о событиях Смутного времени в Московской Руси. Проблематика отношения к иноземцам рассматривается нами в контексте разнообразных аспектов религиозно-философской мысли Московского царства, основанной на идее религиозной исключительности и убежденности в особой миссии Руси как хранительницы истинной христианской веры. Под религиозно-философской мыслью в рамках данной работы понимается вся совокупность представлений, воззрений, концепций, связанных с религиозно обусловленным пониманием мироустройства, исторического процесса, социального и государственного порядка в Московском государстве.

Представления об особой духовной миссии Руси и ее народа, о закономерностях исторического развития, происхождении царской власти, месте и роли Московского государства в истории к началу XVII в. оформились в достаточно устойчивую и стройную систему, которая оказала определяющее влияние на становление идентичности Московского царства и вошла в его государственную практику. Осознание собственной исторической и религиозной «избранности» и исключительного положения во всемирной истории послужило концептуальной основой для определенной духовной самоизоляции Московской Руси от соседних культур и народов. Эксплицитным выражением данного феномена стало, помимо прочего, преимущественно негативное отношение к иноземцам, варьирующееся в диапазоне от критической настороженности до граничащей с ненавистью неприязни. При этом, неизбежным следствием такого мировосприятия стало нивелирование межэтнических/межнациональных различий и акцентуация различий межрелигиозных. Ввиду того, что первопричины негативного отношения к иноземцам следует искать именно в специфике бытовавших на Руси историософских и религиозно-философских представлений, мы считаем необходимым в рамках данной работы отдельно остановиться на вопросе генезиса основных концептов московской религиозно-философской мысли и их реализации в памятниках письменности.

Период Смутного времени (1598–1613 гг.) представляется нам наиболее оптимальным для исследования вопроса восприятия иноземцев в Московский период по следующим причинам: (1) к началу XVII в. в Московском царстве существовала сложившаяся и достаточно стабильная система религиозно-философских и историософских представлений, априорность которых в период Смуты оказалась поставлена под сомнение; (2) во времена Смуты Московская Русь столкнулась с иноземцами непосредственно как на государственном, так и на бытовом уровне, будучи вынужденной противостоять иноземному военному вмешательству, которое представляло собой реальную угрозу для существования государственности и православия; (3) глубина и всеохватность кризиса, разразившегося в Московской Руси в начале XVII в., позволяет проанализировать отношение к иноземцам в контексте других аспектов реализации мировоззренческих представлений московского общества (например, с точки зрения понимания природы царской власти и т.д.)

В дипломной работе мы попытаемся ответить на следующие вопросы:

- в чем заключается специфика Смутного времени начала XVII в. как исторического и духовного феномена в истории России;
- какие исторические и культурные факторы повлияли на процесс формирования религиозно-философской мысли в Московской Руси, каковы основные этапы ее генезиса;
- в чем заключается специфика памятников московской письменности первой половины XVII в. о Смутном времени, какие основные темы поднимают в них авторы;
- какие представления об иноземцах бытовали в московской книжности в первой половине XVII в.;
- как повлияли на отношение к иноземцам религиозно-философские и историософские концепты традиционной московской мысли;
- насколько существовавшие представления об иноземцах были устойчивы и безальтернативны;
- каким образом данные представления реализуются в текстах о Смуте и какое место в них занимают;
- какую роль в событиях Смутного времени отводят иноземцам авторы XVII в.;
- насколько идентичен образ иноземцев в текстах разных памятников.

В качестве источников для проведения анализа были выбраны ключевые сочинения авторов первой половины XVII в., в частности:

- «Новая повесть о преславном Российском царстве»,¹
- «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства»,²
- «Иное сказание»,³
- «История» Авраамия Палицына,⁴
- «Временник» Ивана Тимофеева,⁵
- «Словеса дней, и царей, и святителей московских» И. А. Хворостинина,⁶
- «Летописная книга».⁷

В начале дипломной работы приводится краткий археографический обзор используемых источников, в рамках которого мы попытались отразить специфические черты каждого отдельного текста с точки зрения времени и места его создания, авторства, структуры, стилистики и т.д. При цитировании фрагментов источников мы использовали тексты опубликованных переводов указанных источников на современный русский язык с тем, чтобы сделать текст работы более доступным для восприятия. В случае, если текст источника на современный русский язык переведен не был, в цитатах сохраняется исходный вариант с оригинальной орфографией и пунктуацией.

В первой части дипломной работы раскрывается специфика Смутного времени как особого культурно-исторического и духовного феномена в истории России, излагаются различия в подходах к интерпретации Смуты авторами-современниками

---

¹ *Новая повесть о преславном Российском царстве*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. и общая ред. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 24–58.

² *Плач о пленении и конечном разорении*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 130–146.

³ *Иное сказание*. In: РИБ. Том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891. 1–144.

⁴ *Сказание Авраамия Палицына*. Подготовка текста и комментарии О. А. ДЕРЖАВИНОЙ, Е. В. КОЛОСОВОЙ. Под ред. Л. В. ЧЕРЕПНИНА. Москва – Ленинград, 1955.

⁵ *Временник Ивана Тимофеева*. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. ДЕРЖАВИНОЙ. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ. Москва – Ленинград, 1951.

⁶ *Словеса дней, и царей, и святителей московских*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 428–464.

⁷ *Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского*. In: РИБ. Том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891. 559–624.

и историками послепетровской России (В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов, Р. Г. Скрынников). Далее рассматривается проблематика генезиса и фиксации ключевых религиозно-философских представлений, которые впоследствии послужат основой для формирования негативного образа иноземцев в московской письменности, а также анализируются основные мотивы и темы, которые в наибольшей степени интересуют авторов первой половины XVII в. и потому регулярно воспроизводятся в рассматриваемых сочинениях.

Вторая глава посвящена непосредственно интерпретации текстов источников с точки зрения темы дипломной работы. Методы дискурсивного и культурно-исторического анализа позволяют выделить в текстах мотивы, связанные с формированием конкретных представлений об иноземцах, проследить форму и степень реализации данных мотивов, определить их место и возможную функцию в тексте. Компаративный анализ источников позволяет ответить на вопрос, насколько идентичны между собой представления об иноземцах, транслируемые авторами разных текстов, и правомерно ли говорить о системности и безальтернативности данных представлений в московской книжности первой половины XVII в.

В основу теоретической части дипломной работы положены археографические и литературно-исторические исследования наиболее крупных специалистов в области средневековой московской письменности: сочинения С. Ф. Платонова, классика российской археографии и историографии (в частности, его работа «Древнерусские повести и сказания о Смутном времени XVII века как исторический источник», в которой автором были подробно описаны и проанализированы памятники Московской письменности о Смуте); многочисленные труды исследователей Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Российской академии наук (работы О. А. Державиной о «Временнике» Ивана Тимофеева и «Истории» Авраамия Палицына, Н. Ф. Дробленковой – о «Новой повести», Е. П. Семеновой – о «Словесах» Ивана Хворостинина, И. Ю. Серовой – о «Летописной книге» и др.).

В вопросе интерпретации религиозно-культурных и духовных аспектов текстов о Смуте мы опирались на исследования современных российских и зарубежных авторов: Д. И. Антонова, В. В. Мочаловой, М. Пришгоды (Marek Pŕihoda), Б. Н. Флори. Отличительной особенностью подхода данных исследователей к интерпретации сочинений XVII в., как нам кажется, является стремление к включению анализируемых

концептов и мотивов в широкий исторический и социокультурный контекст, а также тенденция к их анализу в синхронной и диахронной перспективе.

В освещении собственно исторической и социально-политической проблематики Смутного времени (в той мере, в которой это было необходимо с точки зрения темы дипломной работы) мы исходили из трудов таких современных исследователей как Ч. С. Л. Даннинг (Chester S. L. Dunning), М. Пеппу (Maureen Perrie), Р. Г. Скрынников и др. Для данных исследователей характерен комплексный подход к Смутному времени как глубинному системному кризису, а также критическое отношение к интерпретации Смуты как социальной (классовой) борьбы, т.е. подходу, утвержденному в советской историографии, при котором духовная и религиозная составляющая данного кризиса низводилась до ранга сопутствующего продукта, хотя исторические источники свидетельствуют об обратном.

Несмотря на неослабевающий исследовательский интерес к Смутному времени как одному из переломных моментов российской истории, вопросу изучения образа иноземцев в памятниках московской письменности первой половины XVII в. до настоящего времени было посвящено лишь несколько небольших публикаций. При этом, изучение данного вопроса, по нашему мнению, несет в себе достаточный научный потенциал с точки зрения исследования более широкой проблематики, например, вопросов формирования, закрепления и функционирования этнокультурных и религиозных стереотипов в общественном сознании.

Краткий обзор источников

Прежде чем перейти к анализу непосредственной проблематики работы, нам представляется целесообразным сделать краткий обзор источников, на которые будет опираться данная работа. Ввиду достаточно большого количества дошедших до нас памятников письменности, освещающих события Смутного времени, мы остановимся на наиболее значительных и широко известных из них,⁸ в частности это:

- «Новая повесть о преславном Российском царстве»,
- «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства»,
- «История» Авраамия Палицына,
- «Временник» дьяка Ивана Тимофеева,
- «Словеса дней, и царей, и святителей московских» И. А. Хворостинина,
- «Иное сказание»,
- «Летописная книга» И. М. Катырева-Ростовского.

«Новая повесть о преславном Российском царстве» - памятник московской письменности, оформленный в виде патриотического призыва к активной борьбе против поляков, с которым автор обращается к жителям Москвы. По мнению С. Ф. Платонова, «Новая повесть» была создана в конце декабря 1610 – начале января 1611 г., по всей видимости, в Москве.⁹ Данная датировка, однако, оспаривалась другими исследователями (напр., Я. Г. Солодкиным).¹⁰ Имя автора «Новой повести» не известно, однако из ее содержания следует, что это был человек достаточно знатного происхождения, который не только стал очевидцем описываемых в повести событий (в частности, взятия Москвы польско-литовскими войсками гетмана Станислава Жолкевского), но и непосредственно принимал в них участие. В завершении «Новой

---

⁸ См.: РИБ. Том 13. *Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени*. Санкт-Петербург, 1891; ПЛАТОНОВ, С. Ф. *Древнерусские повести и сказания о Смутном времени XVII века как исторический источник*. Санкт-Петербург, 1888.

⁹ ПЛАТОНОВ, С. Ф. *Древнерусские повести и сказания о Смутном времени XVII века как исторический источник*. Санкт-Петербург, 1888. 89–95.

¹⁰ *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3. (XVII век). Ч. 2. Ред. Д. М. Буланин, А. А. Турилов. Санкт-Петербург, 1993. 405.

повести» автор кается в собственной слабости, корыстолюбии и тщеславии, которые подтолкнули его к сотрудничеству с поляками, и признается, что пользуется у них большим доверием.¹¹

Говоря о жанровой принадлежности «Новой повести», Н. Ф. Дробленкова предлагает отнести ее к так называемой агитационной письменности, которая получила широкое распространение в Московской Руси времен Смуты в виде грамот-воззваний, отписок и подметных писем. Впрочем, исследовательница отмечает, что в ряду памятников агитационной письменности «Новая повесть» стоит несколько особняком, отличаясь от других памятников данной категории не только по содержанию, но и по объему.¹² Вероятно, текст создавался как некое письмо-воззвание, которое должно было передаваться в определенных кругах (об этом сообщает и сам автор¹³) с целью активизации борьбы с польско-литовской интервенцией. Стилистически и тематически текст «Новой повести» отвечает прагматическим задачам агитационного произведения, о чем свидетельствуют многочисленные риторические вопросы и восклицания, прямой диалог автора с предполагаемым читателем, использование оригинальных развернутых метафор и образных сравнений. Лейтмотивом текста становится призыв к вооруженной борьбе против интервентов. События излагаются кратко, но эмоционально. Для автора более важен текущий момент, нежели отдаленные исторические перспективы.

«Плач о пленении и конечном разорении Московского государства» возник уже после взятия Москвы польско-литовскими войсками, предположительно в конце лета – начале осени 1612 г. в одном из провинциальных городов.¹⁴ Анонимный автор «Плача», по-видимому, очевидцем событий не был и для написания текста пользовался грамотами 1610–1612 гг.¹⁵ Данный текст по своей структуре и экспрессивно-эмоциональному оформлению тяготеет к древнерусской риторической традиции

---

¹¹ *Новая повесть о преславном Российском царстве*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 55.

¹² ДРОБЛЕНКОВА, Н. Ф. *Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность*. Москва – Ленинград, 1960. 84, 91.

¹³ См.: *Новая повесть о преславном Российском царстве*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. и общая ред. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 55–57.

¹⁴ *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3. (XVII век). Ч. 3. Ред. Д. М. БУЛАНИН. Санкт-Петербург, 1998. 40.

¹⁵ ПЛАТОНОВ, С. Ф. *Древнерусские повести и сказания о Смутном времени XVII века как исторический источник*. Санкт-Петербург, 1888. 111.

(в частности, отдельные фрагменты «Плача» очень близки «Слову о погибели русской земли» XIII в.). Для плача как жанра наиболее важен эмоциональный отклик на отражаемые в нем события, а не их подробное описание. Важное место отводится размышлениям о причинах происходящего и поиску возможных решений. «Плач» начинается с обширного патетического вступления, в котором автор скорбит о былом величии «преславной, яносящей, превеликой России» и пытается объяснить причины постигших ее бедствий. Центральное место в композиции посвящается изложению недавних событий, в том числе появлению первого самозванца и захвату Москвы войсками Станислава Жолкевского. В заключении автор призывает русский народ к покаянию и усердной молитве как единственному средству, которое поможет снова снискать утраченную Божию милость.

Текст «Плача» был достаточно популярен и широко использовался как при создании других памятников (напр., «Казанского сказания»), так и в богослужебных целях (в 20-е гг. XVII в. «Плач» ежегодно читался во время праздничной службы иконе Казанской Богоматери).

«История» Авраамия Палицына¹⁶ представляет собой одно из наиболее известных и популярных сочинений о Смутном времени. На сегодняшний день известно более 250 списков памятника, большинство из которых датируется последней четвертью XVII в.¹⁷ Работу над «Историей» Палицын начал уже после воцарения династии Романовых. Памятник имеет сложную структуру и включает в себя три части, созданные,

---

¹⁶ Авраамий (в миру Аверкий Иванов Палицын, около 1550–1626 гг.) происходил из детей боярских Московского уезда. До опалы 1587–1588 гг., причины которой не вполне ясны, Палицын делал достаточно успешную светскую карьеру, был воеводой в Коле, «государевым посланником» на русском Севере. В 1596 (1597) г. Палицын постригся в монахи в Соловецком монастыре, а в 1607 (1608) г. стал келарем Троице-Сергиева монастыря. Предполагается, что Палицын интриговал против Василия Шуйского и, возможно, сыграл какую-то роль в его свержении. Его подпись стоит под «Утвержденной грамотой» об избрании на царство Михаила Федоровича Романова. Погребен в Соловецком монастыре. См.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII век). Ч. 1. Отв. ред. Д. С. ЛИХАЧЕВ. Санкт-Петербург, 1992. 36–38.

¹⁷ ДЕРЖАВИНА, О. А. *Сказание Авраамия Палицына и его автор*. In: *Сказание Авраамия Палицына*. Подготовка текста и комментарии О. А. ДЕРЖАВИНОЙ, Е. В. КОЛОСОВОЙ. Под ред. Л. В. ЧЕРЕПНИНА. Москва – Ленинград, 1955. 22.

в разное время, а возможно, и разными авторами.¹⁸ В первой части (1–6 главы), известной в двух редакциях (изначальной и окончательной), излагаются причины Смуты на Руси и рассказывается о событиях от смерти Ивана Грозного до воцарения Василия Шуйского. Ядром памятника и хронологически первой его частью является «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря польско-литовско-казачьими войсками в 1608–1610 годах» (7–56 главы). «Сказание» композиционно и стилистически выступает как полностью самостоятельное произведение со своим вступлением и заключением. Завершено оно было не позднее 1617 г.¹⁹ Третья часть «Истории» Авраамия Палицына (57–77 главы) посвящена событиям, происходившим после снятия осады, а именно свержению Василия Шуйского, освобождению Москвы и воцарению Михаила Федоровича Романова (завершена около 1618–1619 гг.).²⁰ «История» Авраамия Палицына отличается достаточной исторической точностью,²¹ сочетаемой с оригинальностью стиля, динамизмом изложения и относительной простотой языка.

В XVII–XVIII вв. сочинение Палицына широко использовалось, в том числе, и как непосредственный исторический источник (в частности, «История» послужила одним из основных источников Хронографа третьей редакции).²²

«Иное сказание» – памятник первой половины XVII в., охватывающий события от кончины Ивана IV Грозного (1584 г.) до воцарения Алексея Михайловича Романова (1645 г.). Исходя из проведенного археографического анализа, за приблизительный период создания изначальной версии «Иного сказания» принимается 1619 (1620)–

¹⁸ Так, например, О. А. Державина полагала, что изначальная редакция первых шести глав была создана архимандритом Троице-Сергиева монастыря Дионисием Зобниковским. См.: Державина, О. А. *Сказание Авраамия Палицына и его автор*. In: Сказание Авраамия Палицына. Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной, Е. В. Колосовой. Под ред. Л. В. Черепнина. Москва – Ленинград, 1955. 34–43.

¹⁹ *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII век). Ч. 1. Отв. ред. Д. С. Лихачев. Санкт-Петербург, 1992. 38–39.

²⁰ Там же. 38–39.

²¹ В научной среде существуют разные точки зрения на надежность «Истории» Авраамия Палицына как исторического источника. См. подробнее: PRÍHODA, M. *Člověk staré Rusi v letech chaosu: Avraamij Palicyn*. In: Svět literatury, 2012/22, 45. 93–95.

²² Антонов, Д. И. *Смута в культуре Средневековой Руси: Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века*. Москва, 2009. 26.

1635 г.²³ Предполагается, что «Иное сказание» возникло как реакция на «Историю» Авраамия Палицына, в которой резко критикуется Василий Шуйский (Л. В. Черепнин, В. И. Буганов, В. И. Корецкий и др.)²⁴ Свое название памятник получил во время первой публикации, сделанной на основании рукописного сборника библиотеки М. П. Погодина, в которой данное сочинение непосредственно следовало за «Историей» Авраамия Палицына. Во вступлении к тексту сам автор заявляет о своем намерении дополнить рассказ Палицына и более подробно рассказать о неосвященных в «Истории» эпизодах (так, например, значительно большее внимание уделяется восстанию Болотникова, и ничего не говорится об осаде Троице-Сергиева монастыря).

Условно «Иное сказание» можно разделить на три части. В первой части повествование доводится до воцарения Василия Шуйского, в интересах которого, по мысли А. С. Орлова, она и была составлена в 1606 г. неизвестным иноком Троице-Сергиева монастыря.²⁵ Вторая часть охватывает события со времени правления Василия Шуйского вплоть до освобождения Москвы в 1612 г. Третья часть в летописном стиле рассказывает о правлении Михаила Федоровича Романова.

«Иное сказание» признается компилятивным памятником.²⁶ В тексте выделяется целый ряд документов времен Лжедмитрия I и Василия Шуйского, в том числе прелестные грамоты самозванца, крестоцеловальная запись В. И. Шуйского и др. Также в текст включена «Повесть о видении некоему мужу духовну», которая гармонично вплетена в дальнейшую структуру повествования. Автор использовал и другие источники: «Повесть како отмстите всевидящее око Христос Борису Годунову» («Повесть 1606 года»), «Житие царевича Дмитрия», «Историю» Авраамия Палицына и т.д. К оригинальным текстам относятся рассказы о воцарении Бориса Годунова, походе первого самозванца на Москву и его правлении (их возможный источник не установлен).

---

²³ *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3. (XVII век). Ч. 2. Ред. Д. М. Буланин, А. А. Турилов. Санкт-Петербург, 1993. 49–51.

²⁴ Там же. 47–48.

²⁵ В научной литературе данная часть также известна как «Повесть 1606 года». См.: Орлов, А. С. *Повесть 1606 года о восхищении Российского престола Борисом Годуновым и Лжедмитрием и о воцарении Василия Шуйского*. In: Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. Т. V. Вып. 1. Москва, 1946. 27.

²⁶ *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3. (XVII век). Ч. 2. Ред. Д. М. Буланин, А. А. Турилов. Санкт-Петербург, 1993. 47.

Открытым остается вопрос и об источнике рассказа о восстании 1606–1607 гг. под предводительством И. И. Болотникова.²⁷ По мнению С. Ф. Платова, для описания восстания автор «Иного сказания» использовал неизвестную повесть 1607–1608 гг., которая могла быть составлена очевидцем и современником восстания. При этом, С. Ф. Платонов отмечает стилистическую близость рассказа о восстании Болотникова и оригинальных рассказов о Лжедмитрии I и воцарении Бориса Годунова.²⁸ «Иное сказание» практически полностью было включено в Хронограф третьей редакции (1620–1645 гг.), а также повлияло на Летописный свод 1652 г., Летопись Новгородскую Забелинскую и т.д.

«Временник» Ивана Тимофеева²⁹ дошел до нас в одном единственном списке – копии с авторского оригинала, которая была сделана в 30-е гг. XVII в. несколькими писцами и, вероятно, была подвержена редакторской правке.³⁰ Единственный список «Временника» был обнаружен в 1833 г. в Свято-Успенской Флорищевой пустыни (Нижегородская область России). Основная часть памятника, по мнению О. А. Державиной, создавалась Тимофеевым во время его пребывания в Новгороде в 1610–1617 гг.³¹ С точки зрения истории создания памятника примечателен рассказ самого Тимофеева о событиях, побудивших его к написанию произведения, и о том,

²⁷ Иван Исаевич Болотников (1565–1608 гг.) возглавил движение, выступавшее против царя Василия Шуйского в 1606–1607 гг.

²⁸ Платонов, С. Ф. *Древнерусские повести и сказания о Смутном времени XVII века как исторический источник*. Санкт-Петербург, 1888. 47–50.

²⁹ Имя Ивана Тимофеева (около 1555–1631 гг.) встречается в источниках с 80-х гг. XVI в. Известно, что он служил сначала подьячим, потом дьяком в одном из московских приказов (возможно, Пушкарском). Существует предположение о том, что Тимофеев мог быть близок к Годунову, его подпись присутствует на «Утвержденной грамоте» 1598 г., оформившей восшествие Бориса на престол. В 1604 г. Тимофеев участвовал в походе против Лжедмитрия. В 1606 г. он стал свидетелем осады Москвы войсками Ивана Болотникова. Позднее Тимофеев был направлен в Новгород, где сблизился с М. В. Скопиным-Шуйским. В Новгороде Тимофеев пережил шведскую интервенцию 1611–1617 гг., о которой неоднократно упоминается в тексте «Временника». После освобождения Новгорода Тимофеев служил в Астрахани, Ярославле и Нижнем Новгороде. Умер в столице в 1631 г. См.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. Отв. ред. Д. С. Лихачев. Санкт-Петербург, 1992. 14.

³⁰ Там же. 15.

³¹ Державина, О. А. *Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник»*. In: *Временник Ивана Тимофеева*. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Москва – Ленинград, 1951. 355.

каким сложным для него было решение взяться за эту работу. После долгих размышлений, потрясенный разорением Новгорода,³² Тимофеев все же начинает вести записи, будучи при этом достаточно стесненным в условиях и средствах. В 1616 г. под влиянием митрополита Исидора дьяк приступает к редактированию и систематизации написанного. Некоторые фрагменты «Временника» свидетельствуют о том, что работа над текстом памятника продолжалась вплоть до 1628 г.³³

Мозаичность структуры «Временника» представляет собой отдельную исследовательскую проблему. С. Ф. Платонов полагал, что текст, составленный из записей разного времени, сохранил авторскую композицию.³⁴ Я. Г. Солодкин выделяет в тексте «Временника» 144 самостоятельных произведения, написанных Тимофеевым в период с конца XVI в. вплоть до смерти автора.³⁵ Сам Тимофеев во «Временнике» отмечает, что изначально его труд складывался из отдельных записей,³⁶ которые не были своевременно исправлены и объединены из страха, так как в период их написания он «жил в городе как пленный».³⁷

«Временник» Ивана Тимофеева представляет собой собрание исторических очерков и заметок о событиях конца XVI – начала XVII вв., расположенных без

³² «В течение многих дней постоянно не переставал я размышлять в уме своем о таком разорении города, не откладывая (этой мысли) и сохраняя в себе, и ходил как умалишенный.» См.: *Временник Ивана Тимофеева*. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Москва – Ленинград, 1951. 289.

³³ Державина, О. А. *Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник»*. In: *Временник Ивана Тимофеева*. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Москва – Ленинград, 1951. 356–357.

³⁴ Платонов, С. Ф. *Древнерусские повести и сказания о Смутном времени XVII век как исторический источник*. Санкт-Петербург, 1888. 163–164.

³⁵ Антонов, Д. И. *Смута в культуре Средневековой Руси: Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века*. Москва, 2009. 30.

³⁶ «Составленное моим скудным умом описание не было объединено, но представляло собой совершенно отдельные друг от друга (отрывки), как бы имеющие плоть, собранные вместе различные части бумажных членов или как только что скроенная одежда...» См.: *Временник Ивана Тимофеева*. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Москва – Ленинград, 1951. 292.

³⁷ Там же. 292.

соблюдения хронологической последовательности. Первые главы³⁸ посвящены правлению последних Рюриковичей, воцарению Бориса Годунова и правлению Лжедмитрия I. В заключительной части, значительно менее доработанной и композиционно завершенной, чем предыдущие, речь идет о царствовании Василия Шуйского. Далее следует несколько не связанных между собой заметок, в которых описываются условия жизни в Новгороде в период шведской интервенции, осада Москвы Тушинским вором,³⁹ а также очерки, посвященные князю М. В. Скопину-Шуйскому. К заключительной части относится и так называемый «Летописец вкратце», состоящий из заметок и очерков, касающихся описанных ранее событий, и снабженный обширным вступительным словом, где автор, помимо прочего, сетует на недостаточность своей подготовки как писателя, рассказывает о нелегком писательском труде и о своей беседе с митрополитом Исидором, убедившим его в необходимости изобразить события своего времени.

В тексте «Временника» присутствует сильное публицистическое начало, эксплицитно проявляется авторское я, Тимофеев разбавляет повествование различными притчами и собственными размышлениями о причинно-следственных связях событий. Язык «Временника» отличается сложностью, витиеватостью и вычурностью, из-за чего, по мнению С. Ф. Платонова «[...] был плохо понимаем переписчиком, который иногда обращал в бессмысленный набор слов запутанные фразы Временника.»⁴⁰

«Словеса дней, и царей, и святителей московских» Ивана Андреевича Хворостинина – памятник письменности о Смутном времени, представляющий интерес, по мысли С. Ф. Платонова, не только своим содержанием, но и личностью автора, который для московского общества XVII в. был человеком достаточно незаурядным.⁴¹ И. А. Хворостинин происходил из рода ярославских князей, возвысившихся при Иване

---

³⁸ С большой долей вероятности можно предположить, что структурное деление «Временника» было проведено в ходе позднейшей редакции рукописи и не принадлежит перу Тимофеева. См.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. Отв. ред. Д. С. Лихачев. Санкт-Петербург, 1992. 16.

³⁹ Лжедмитрий II (?–1610 гг.) – самозванец, выдававший себя за царевича Дмитрия Иоанновича и, соответственно, убитого Лжедмитрия I. В историографии известен также как Тушинский вор, в связи с тем, что с июня 1608 по март 1610 г. лагерь его сторонников располагался в подмосковном селе Тушино.

⁴⁰ Платонов, С. Ф. *Древнерусские повести и сказания о Смутном времени XVII век как исторический источник*. Санкт-Петербург, 1888. 131.

⁴¹ Там же. 183.

Грозном во времена опричнины. В 1604 г. впервые появляется на царской службе в качестве стольника царевича Федора Борисовича Годунова.⁴² При дворе Лжедмитрия I Хворостинин служил в должности кравчего, а после восшествия на престол Василия Шуйского за близость к полякам был отправлен в ссылку в Иосифо-Волоколамский монастырь. Около 1610 г. Хворостинин снова оказался на службе и, возможно, участвовал в освобождении Москвы от поляков в 1612 г.⁴³ Впрочем, в начале 20-х гг. XVII в. за чрезмерное увлечение польской литературой и критику московских порядков он был сослан повторно, на этот раз – в Кирилло-Белозерский монастырь. Незадолго до смерти (1625 г.) Хворостинину было даровано прощение.

Фигура И. А. Хворостинина оценивается исследователями неоднозначно. На основании свидетельств современников о том, что он гнушался московскими нравами, регулярно богохульствовал и покушался на православную догматику, в историографии был сформирован бунтарский образ князя-вольнодумца, одного из немногих, кто еще в первой половине XVII в. понимал всю косность и ригидность московской религиозной и государственной системы.⁴⁴ Однако подобное заключение, основанное, в общем-то, на субъективных характеристиках и пристрастных источниках, опровергается анализом литературного наследия Хворостинина, большую часть которого составляют богословско-полемические трактаты, направленные против католической церкви.⁴⁵

Точное время создания памятника не известно. С. Ф. Платонов склоняется к мысли, что Хворостинин создал «Словеса» в бытность свою рязанским воеводой

⁴² СЕМЕНОВА, Е. П. *И. А. Хворостинин и его «Словеса дней и царей»*. In: Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXXIV: Куликовская битва и подъем национального самосознания. Отв. ред. Д. С. ЛИХАЧЕВ. Ленинград, 1979. 286–297.

⁴³ *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Ред. Д. М. Буланин. Санкт-Петербург, 2004. 191.

⁴⁴ «Кн. Хворостинин – прадед русского западничества, неясный силуэт типа, который с тех пор будет жить в нашем обществе, от времени до времени выступая в разных видах и каждый раз все с более определенными чертами, умственными и нравственными.» См.: КЛЮЧЕВСКИЙ, В. О. Сочинения. В 9 т. Т. VII. Специальные курсы (продолжение), Москва 1989. 163.

⁴⁵ Стихотворный трактат «Изложение на еретики злохульники», включающий более 1300 стихотворных строк, повесть о Ферраро-Флорентиском соборе («Повесть слезная о листриском, сиречь Феларском и Фларентиском разбойническом кровопролитном осмом соборе»), прозаический трактат, критикующий евангелическую церковь («На иконоборцы и на вся злыя ереси») См.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Ред. Д. М. Буланин. Санкт-Петербург, 2004. 193.

в 1619 г.⁴⁶ Текст «Словес» сохранился в четырех списках второй половины XVII в., во всех них отсутствует конец.⁴⁷ Текст памятника, как и текст «Временника» Ивана Тимофеева, представляет собой размышление о событиях Смутного времени, их причинах, роли отдельных исторических персонажей, без соблюдения хронологической последовательности и фактической точности изложения. Текст начинается с обширного вступления, в котором автор использует библейское сказание об Адаме и Еве, летописную легенду о приходе Андрея Первозванного на Русь, летописный рассказ о крещении Руси. Изложение событий Смуты Хворостинин начинает с описания голода 1601–1603 гг., далее следует рассказ о правлении Бориса Годунова, о Федоре Годунове, о приходе первого самозванца. О многих важных исторических событиях Хворостинин упоминает лишь вскользь, однако с другой стороны, автор уделяет повышенное внимание второстепенным эпизодам (как, например, слабость Василия Шуйского к чародейству и волшебству или строительство самозванцем роскошного дворца). Значительная часть «Словес» посвящена патриарху Гермогену, который предстает в образе праведного защитника Руси.

В тексте ярко обозначено авторское начало, причем автор представляет себя как неизменно положительного персонажа. Язык произведения четок и понятен, но при этом достаточно богат, насыщен риторическими вопросами, отступлениями, обращениями к читателю.

«**Летописная книга**», известная также как «Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского», «Так называемая повесть Катырева-Ростовского» и др.⁴⁸ – памятник московской письменности первой половины XVII в., являющийся, по мнению С. Ф. Платонова, первым сочинением, дающим целостное представление о событиях Смутного времени на Руси.⁴⁹ Памятник охватывает исторические события со времени правления Ивана IV Грозного до воцарения Михаила Федоровича Романова. На

---

⁴⁶ Платонов, С. Ф. *Древнерусские повести и сказания о Смутном времени XVII век как исторический источник*. Санкт-Петербург, 1888. 202–203.

⁴⁷ *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII век). Ч. 4. Ред. Д. М. Буланин. Санкт-Петербург, 2004. 196–197.

⁴⁸ *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3. (XVII век). Ч. 3. Отв. ред. Д. С. Лихачев. Ленинград 1998. 55–56.

⁴⁹ Платонов, С. Ф. *Древнерусские повести и сказания о Смутном времени XVII века как исторический источник*. Санкт-Петербург, 1888. 217.

сегодняшний день известно 18 списков «Летописной книги», подробное описание которых приводится в работах И. Ю. Серовой.⁵⁰

История развития текста «Летописной книги» рассматривалась исследователями по-разному. С. Ф. Платонов различал два извода, первоначальный и видоизмененный. Исходя из того, что в видоизмененной редакции отсутствует похвала князю М. П. Катыреву-Ростовскому, С. Ф. Платонов высказывает предположение о том, что автором первоначальной редакции был именно И. М. Катырев-Ростовский,⁵¹ сын вышеупомянутого князя, на что прямо указывается и в самом тексте первоначальной редакции.⁵² П. Г. Васенко и О. А. Державина выделяли три редакции «Летописной книги», также считая редакцию Катырева-Ростовского первичной.⁵³ В конце пространного заголовка первоначальной редакции указана дата написания – 28 июля 7134 г. (1626 г.)

Вопрос об авторстве «Летописной книги» до настоящего времени не решен окончательно. Ввиду того, что «Летописная книга» представляла собой заключительную часть хронографа Сергея Иевлевича Кубасова, изначально считалось, что именно он и является ее автором (А. Н. Попов).⁵⁴ Позднее М. П. Строев атрибутировал «Летописную книгу» сначала князю И. А. Хворостинину, а затем – князю С. И. Шаховскому. Однако,

---

⁵⁰ См.: СЕРОВА, И. Ю. *«Летописная книга» (из истории русской литературы первой трети XVII века)*. Санкт-Петербург, 1992. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Отдел Древнерусской литературы Института Русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Научный руководитель – член-корреспондент РАН ДМИТРИЕВ, Л. А.

СЕРОВА, И. Ю. *История текста «Летописной книги»*. In: Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 44. Ред.: Д. М. Буланин, Д. С. Лихачев, М. А. Салмина. Ленинград, 1990. 269–282.

⁵¹ Иван Михайлович Катырев-Ростовский (?–1640 гг.) происходил из знатного дворянского рода, занимал высокие должности при дворе Бориса Годунова и Лжедмитрия I. При Василии Шуйском по подозрению в измене был сослан на воеводство в Тобольск. Катырев-Ростовский был зятем Федора Никитича Романова (в 1619–1633 гг. – Патриарх Московский и всея Руси Филарет). В 1613 г. Катырев-Ростовский вернулся в Москву, где началась его почетная и успешная служба на придворных (стольник) и военных должностях (воевода). С 1630 г. возглавлял Владимирский судный приказ. См.: ПЛАТОНОВ, С. Ф. *Древнерусские повести и сказания о Смутном времени XVII века как исторический источник*. Санкт-Петербург, 1888. 209–213.

⁵² Там же. 206.

⁵³ *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3. (XVII век). Ч. 3. Ред. Д. М. Буланин. Санкт-Петербург, 1998. 57.

⁵⁴ Там же. 56.

как отмечает С. Ф. Платонов, в распоряжении М. П. Строева не было первоначального извода, в котором в качестве автора непосредственно называется И. М. Катырев-Ростовский.⁵⁵ К источникам «Летописной книги» относят многочисленные летописи, трактаты, хронографы, русские и переводные повести. В частности, подробно был изучен вопрос соотношения текста «Летописной книги» и «Троянской истории» Гвидо де Колумна.⁵⁶ «Летописная книга» получила распространение преимущественно в составе более крупных памятников, таких как хронографы и разрядные книги.

Среди характерных особенностей текста отмечается заметное южнорусское влияние и обилие рифмованных строк.⁵⁷ В конце «Летописной книги» приводится небольшой текст, где автор рисует портреты основных исторических персонажей Смутного времени. Завершается «Летописная книга» виршами, которые не только интересны как необычное лирическое отступление, но и содержат в себе информацию о самом авторе,⁵⁸ причинах, побудивших его к написанию «сией летописной книги», и ее основном содержании. Многие исследователи отмечают особые литературные достоинства «Летописной книги». Некоторые пассажи (в частности, описание весны) сравнивают с аналогичными местами в произведениях Кирилла Туровского и В. К. Тредиаковского.⁵⁹

---

⁵⁵ ПЛАТОНОВ, С. Ф. *Древнерусские повести и сказания о Смутном времени XVII века как исторический источник*. Санкт-Петербург, 1888. 205–207.

⁵⁶ СЕРОВА, И. Ю. «Летописная книга» Катырева-Ростовского и «Троянская история» Гвидо де Колумна. In: *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. XLII. Ленинград, 1989. 107–114.

⁵⁷ *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3. (XVII век). Ч. 3. Ред. Д. М. Буланин. Санкт-Петербург, 1998. 57.

⁵⁸ В первоначальной редакции: «[...] сынъ предиреченнаго князя Михаила, роду Ростовского сходатай...»; во второй редакции «[...] роду Ерославского исходатай...».

⁵⁹ *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3. (XVII век). Ч. 3. Ред. Д. М. Буланин. Санкт-Петербург, 1998. 57.

Глава 1. Религиозно-философская мысль в Московской Руси

1.1 Смутное время в России как исторический и духовный феномен

Неспокойный период рубежа XVI–XVII вв., известный в российской историографии под названием Смутное время или Смута, неоднократно становился предметом исследования с точки зрения самых разнообразных своих аспектов. Неослабевающий интерес к проблематике Смуты во многом обусловлен не только множеством связанных с ней загадок и вопросов, которые до сих пор остаются без ответа, но и с тем огромным влиянием, которое события данного периода оказали на дальнейший ход российской истории, став своеобразным прологом к коренным преобразованиям эпохи Петра I. Во времена Смуты Московская Русь столкнулась с масштабным кризисом, ставшим серьезным испытанием на прочность для государственного устройства, общественного уклада, экономики, исторического сознания и религиозно-философской мысли. Важной отличительной особенностью данного кризиса была его всеохватность: в той или иной степени события Смутного времени затронули все сферы жизни общества и государства, приведя к деформации социальной и властной иерархии, хозяйственной разрухе, дискредитации авторитета власти, внутреннему расколу общества и глубокому духовному кризису, поколебавшему традиционные устои Московской Руси.

Хронологическими рамками Смуты традиционно принято считать 1598–1613 гг.,⁶⁰ однако данная датировка, в основу которой положен факт смены династий на российском престоле, допускает определенные оговорки, связанные с различной

---

⁶⁰ 1598 г. – смерть Федора I Иоанновича (1584–1598 г.), последнего царя из московской ветви династии Рюриковичей. 1613 г. – восшествие на престол Михаила Федоровича Романова (1613–1645 г.), воцарение династии Романовых.

оценкой исторических личностей и событий конца XVI в. Так за начало Смуты с достаточным основанием можно принять смерть Ивана IV Васильевича (1533–1584 гг.) или кончину Бориса Годунова (1598–1605 гг.), узурпацию трона Лжедмитрием I (1605 г.) или же его вторжение на территорию Московского царства (1604 г.). Так или иначе, формально начало Смуты связано с династическим кризисом, наметившимся еще при жизни Ивана IV, т.к. наследник Федор Иоаннович по состоянию здоровья был фактически не способен управлять государством. Воцарение Бориса Годунова (1598 г.)⁶¹ вызывало у современников большие вопросы, особенно в среде родовитого боярства, многие представители которого имели гораздо бóльшие права на престол, нежели Годунов, происходивший из не слишком знатного рода и возвысившийся во времена Ивана Грозного благодаря своим личным качествам. Не прибавляли популярности новому царю и упорные слухи о его причастности к гибели царевича Дмитрия (1591 г.),⁶² младшего сына Ивана Грозного и последнего возможного претендента на престол. Сомнения в легитимности власти Годунова впоследствии переросли в обвинения в узурпации им власти, повлекшей за собой Божий гнев в виде череды неурожаев 1601–1603 гг., последовавшего за ними голода и Смуты.⁶³ Однако пресечение династии само по себе едва ли могло вызвать столь масштабный кризис. Резонно будет предположить, что такой сложный и многогранный исторический феномен как Смута не мог возникнуть стихийно и был обусловлен целым комплексом исторических, политических, экономических и социокультурных причин.

---

⁶¹ В период царствования Федора Иоанновича (1584–1598 гг.) управление государством фактически находилось в руках Бориса Годунова, очевидные политические таланты которого позволили ему выдвинуться еще при Иване Грозном. Немалую роль сыграли и родственные узы, которыми Годуновы связали себя с правящей династией: сестра Годунова Ирина была женой Федора.

⁶² Царевич Дмитрий (1582–1591 гг.), младший сын Ивана Грозного и Марии Нагой, погиб в 1591 г. при невыясненных обстоятельствах в Угличе, где находился с матерью и регентским советом. Следственная комиссия, во главе которой стоял В. И. Шуйский, пришла к выводу о том, что причиной смерти царевича стал несчастный случай. Однако в народе упорно распространялись слухи об убийстве, совершенном по приказу Годунова, что впоследствии послужило благодатной почвой для появления на Руси самозванцев.

⁶³ Роль Годунова в событиях Смуты вызвала особый интерес не только у авторов-современников (Иван Тимофеев, Авраамий Палицын, Иван Хворостинин и др.), которые видели в нем одного из непосредственных виновников постигших Русь потрясений, но и у историков послепетровского периода, достаточно неоднозначно оценивавших деятельность данного правителя (ср. Н. М. Карамзин, Н. И. Костомаров, В. О. Ключевский и др.)

К вопросу интерпретации Смуты как исторического феномена существует два принципиально разных подхода. Один из них отражен в памятниках XVII в., второй культивируется в историографии послепетровского периода. Современники искали корни Смуты в духовной сфере, видя в ней закономерную Божью кару за всеобщее грехопадение. Трактовка Смуты в текстах авторов-современников имеет ярко выраженную религиозную направленность и прямо проистекает из социокультурных и историко-философских представлений, оформившихся в Московской Руси к началу XVII века.

После петровских преобразований в историографии начинает формироваться совершенно иной взгляд на события Смутного времени, ориентированный на поиск рационального и логического объяснения Смуты как исторического феномена. В поисках объективных, по их мнению, причин Смуты разные историки могли несколько смещать акценты, однако суть подхода оставалась, в целом, неизменной: все авторы в той или иной мере рассматривают Смуту как показатель кризиса государственной системы Московской Руси. Смута трактуется как закономерный результат деградации и разложения государственного строя старой Руси, свидетельство его несовершенства и ригидности, неизбежным следствием которого стали реформы начала XVIII в. Так **В. О. Ключевский** видит корни Смуты в тяжеловесности и неэффективности государственного устройства Московского царства. В числе главных причин Смуты историк называет «вотчинно-династический взгляд на государство»⁶⁴ и «тягловый характер московского государственного порядка»⁶⁵. **С. Ф. Платонов** также усматривает истоки Смуты в вотчинном характере московского государства, который стал причиной борьбы за власть между старой родовой аристократией и новой дворцовой знатью.

---

⁶⁴ «[...] государство как союз народный не может принадлежать никому кроме самого народа; а на Московское государство и московский государь, и народ Московской Руси смотрели как на вотчину княжеской династии, из владений которой оно выросло.» См.: Ключевский, В. О. *Курс русской истории*. Ч. III. Петроград, 1918. 61. Ключевский особо отмечает влияние, которое оказали данные представления на политическую мысль на Руси и отношения между подданными и государством (в частности, речь идет об особой форме политического протеста – системе отъездов). Там же. 62–63.

⁶⁵ В Московском государстве отсутствовало четкое разграничение прав и обязанностей между сословиями, сами сословия не были автономны и представляли собой служебные разряды (чины), обремененные особой государственной повинностью. При этом законодательно регламентировались преимущественно обязанности лиц по отношению к государству, в то время как их права реализовывались на основании существующих обычаев и целиком зависели от воли властьпридержащих. Там же. 66–67.

Основное политическое противоречие, по мнению историка, заключалось в том, что царь, стремящийся к полновластию, вынужден был считаться с родовой аристократией (боярством), стоявшей во главе административного и социального уклада московской жизни. Другим потенциальным источником конфликта, по мысли С. Ф. Платонова, была социально-экономическая ситуация, при которой ввиду растущих военных нужд государства интересы земледельческого класса приносились в жертву интересам служилых землевладельцев, которые непосредственно в процессе производства не участвовали.⁶⁶

С некоторыми модификациями и уточнениями данная позиция получает дальнейшее развитие в современной российской историографии. **Р. Г. Скрынников** относит к объективным предпосылкам возникновения Смуты, помимо прочего, ломку старой социальной структуры, связанную с оформлением крепостного права: режим «заповедных лет», запрещавший тягловому населению покидать тяглые наделы и дворы, установление пятилетнего срока сыска беглых крестьян (Уложение о сыске беглых крестьян 1597 г.) и т.д. Данные меры вызывали недовольство в народной среде. Беглые крестьяне и посадские люди находили прибежище на обширных незакрепощенных окраинах государства и в казацких станицах (впоследствии именно из них сформируются основные повстанческие силы, которые поддержат Лжедмитрия I⁶⁷). Особо историк отмечает непоследовательность Бориса Годунова в вопросе закрепощения крестьян, когда царь шел на относительные уступки то одной, то другой категории населения, а в итоге недовольными оказывались все. Усугубил ситуацию и

---

⁶⁶ С. Ф. Платонов характеризует царскую власть в Московском государстве как «абсолютную» и «демократическую». Данное противоречие, по мысли историка, обусловлено всем ходом развития русской истории. Традиционные представления о вотчинных правах собственности, где князь являлся полноправным хозяином своего удела, были постепенно перенесены на централизованное государство. Отсюда царь как владелец крупнейшей вотчины начал претендовать на роль хозяина всей Русской земли, что, в свою очередь, неизбежно привело к конфликту с родовой аристократией, не желавшей отказываться от собственных вотчинных прав. Конфликт интересов усугубляло зарождение поместной системы. Второй атрибут царской власти, демократичность, связан с народным восприятием царя как защитника веры и государства и поддержкой царской власти снизу. Эту функцию московские князья взяли на себе в XIV в. в период борьбы против татар, когда Москва встала на защиту не только своих интересов, но и всей Руси. См.: Платонов, С. Ф. *Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.* Москва, 1995. 83–84.

⁶⁷ Скрынников, Р. Г. *Россия в начале XVII века. Смута.* Москва, 1988. 249.

наметившийся кризис дворянского сословия, ставший следствием неспособности государства обеспечить земель всех служилых дворян, и связанное с этим насильственное насаждение поместной системы в диком поле.⁶⁸

Политическая неопределенность, неблагоприятная экономическая ситуация, неурожай, общая социальная напряженность – все эти факторы, в конечном итоге, трансформировались в широкомасштабный социально-политический конфликт, который завершился только в 1613 г. с воцарением династии Романовых. Однако восстановление института царской власти в его традиционном для Московии виде не означало механического возврата к старому укладу. Период безвластия и неопределенности формально был завершен, но его влияние на процесс деформации социокультурных представлений и традиционного мировоззрения повернуть вспять, по всей видимости, было уже невозможно. Впрочем, на начальном этапе политика Романовых ориентировалась на реставрацию традиционной модели образа законного, Богом данного, государя, и была сопряжена со всевозможной легитимацией новой династии.⁶⁹ События, происшедшее во времена Смуты (самозванство, крестьянские и казацкие восстания, иностранная военная интервенция, «выборы» царей), касались не только объективной действительности. Самым непосредственным образом они затронули духовные основы Московского общества, повлияв на сложившуюся традицию религиозно-философской мысли с ее представлениями о природе царской власти и уникальной роли Руси как защитницы христианской веры. Во времена Смуты русская мысль и культура столкнулись с необходимостью освоения и включения в традиционные мировоззренческие модели целого ряда явлений, не имевших аналогов в прошлом. К таким явлениям, в числе прочего, можно отнести избрание «непрерожденных» царей, восшествие на престол Лжедмитрия I (самозванство как феномен возвращения «законного» царя,⁷⁰ который будет периодически воспроизводиться в российской истории после окончания Смуты), приглашение на трон Владислава как реализация идеи о призвании иностранных правителей и др.⁷¹

---

⁶⁸ См. подробнее: СКРЫННИКОВ, Р. Г. *Третий Рим*. Санкт-Петербург, 1994. 154–156.

⁶⁹ АНТОНОВ, Д. И. *Смута в культуре средневековой Руси*. Москва, 2009. 209.

⁷⁰ «Недовольны наличным царем – стало быть надобен самозванец: самозванство становилось стереотипной формой русского политического мышления, в которую отливалось всякое общественное недовольство.» См.: КЛЮЧЕВСКИЙ, В. О. *Курс русской истории*. Ч. III. Петроград, 1918. 47.

⁷¹ АНТОНОВ, Д. И. *Смута в культуре средневековой Руси*. Москва, 2009. 207–212.

Столь пестрая палитра событий, не вписывающихся в рамки традиционного мировоззрения, безусловно, нуждалась в удовлетворительном обосновании. Для преодоления возникшего диссонанса религиозно-философская мысль Московской Руси обращается к прошлому, в котором видится утраченный идеал безупречно праведного бытия народа и государства. Для расколотого во время Смуты московского общества последним объединяющим началом остается православная вера, исторически выступавшая как основа идентичности русского государства. Ввиду вышесказанного, неудивительно, что в текстах о Смуте, созданных после ее завершения, можно усмотреть стремление к реставрации системы мировоззрения старой Руси в ее классическом виде.

В рамках данной дипломной работы наибольший интерес для нас представляют духовные аспекты Смуты, их отражение в памятниках письменности, интерпретация с точки зрения авторов-современников. Ключи к пониманию специфики отношения московского общества к иноземцам следует искать непосредственно в историческом и религиозно-философском сознании Московской Руси, именно поэтому нам представляется целесообразным сделать краткий экскурс в проблематику формирования религиозно-философской мысли Московского периода.

1.2 Генезис ключевых религиозно-философских концептов и понимание природы власти в Московской Руси

Формирование религиозно-философских и исторических представлений, функционировавших в Московском обществе конца XVI в., происходило в течение длительного периода и находилось в тесной связи с положением дел внутри государства и на международной арене. В XV в. произошел целый ряд событий, в значительной мере поспособствовавших распространению представлений об особой миссии Москвы в христианском мире, равно как и о прямом покровительстве, оказываемом ей со стороны небесных сил. Ключевыми моментами для генезиса московской исторической и религиозно-философской мысли стали Флорентийская уния (1439 г.), падение Константинополя (1453 г.) и прекращение формальной зависимости от татар (1480 г.).⁷²

---

⁷² В одном ряду с этими событиями может стоять и женитьба Ивана III на племяннице последнего византийского императора Софье Палеолог (1472 г.). См.: Синицына, Н. В. *Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции*. Москва, 1998. 115.

Подписание Флорентийской унии в 1439 г., предполагавшей объединение восточной и западной церквей под властью папского престола в Риме, подорвало духовный авторитет Византии в Московской Руси и ускорило процесс приобретения русской православной церковью автокефалии. Несмотря на то, что стоявший во главе русской делегации митрополит Исидор унию поддержал, прямое вмешательство великого князя Василия II Васильевича (1425–1462 гг.), выступавшего против сближения с католической церковью, привело к тому, что в конечном итоге уния Москвой была отвергнута.⁷³ По возвращении в Москву в 1441 г. Исидор был лишен митры и впоследствии бежал за границу.⁷⁴

Отношение московских современников к унии находит отражение в **полемиических сочинениях против католиков**, возникших как реакция на решения Ферраро-Флорентийского собора, в частности, «Повести инока Симеона иерея суздальца, како римский папа Евгений составлял осьмый собор с своими единомысленники»⁷⁵ (далее – «Повести о восьмом Флорентийском соборе») и анонимном «Слове избраном от Святых писаний, еже на латыню»⁷⁶ (далее – «Слово на латыню»).

Помимо острой и красноречивой критики католицизма как латинской ереси, в рассматриваемых полемиических текстах появляется новый, важный для московского мышления мотив критики греков, утративших свой авторитет блюстителей христианства. В центре внимания авторов, помимо прочего, оказывается слабость высших лиц государства, константинопольского патриарха Иосифа II и византийского

---

⁷³ Согласно Флорентийской унии 1439 г. восточная церковь признавала верховенство Папы Римского, а также соглашалась с догматическими нововведениями Римской католической церкви (о Филиокве, чистилище и др.), которые, однако, в православную литургическую практику не вводились. Официально уния в силу так и не вступила.

⁷⁴ Ссылаясь на Послание московского великого князя Василия II Васильевича константинопольскому патриарху Митрофану II (1441 г.), Н. В. Сеницына отмечает, что говорить о стремлении Москвы к полному разрыву связей с Константинополем было бы неправомерно. В послании исследователь видит попытку русской стороны разрешить каноническим путем патовую ситуацию, возникшую после возвращения Исидора. См.: Сеницына, Н. В. *Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции*. Москва, 1998. 63–66.

⁷⁵ Попов, А. Н. *Историко-литературный обзор древнерусских полемиических сочинений против латинян*. Лондон, 1972. 344–359.

⁷⁶ Там же. 359–395.

императора Иоанна VIII, которые в результате собственного малодушия и неспособности противостоять угрозам и искушениям в виде дорогих подарков, приняли сторону еретиков и согласились на союз с ними. Данный мотив создает предпосылки для формирования мифа о московских правителях как защитниках правой христианской веры,⁷⁷ основанной на учении Святых отцов церкви и решениях предыдущих соборов. В «Повести о восьмом Флорентийском соборе» Симеона Суздальского,⁷⁸ мы находим образ благоверного и благоразумного правителя, который, несмотря на свой юный возраст, сумел встать на защиту православной веры и открыто выступить против ересей, распространяемых папским престолом. Для сакрализации образа великого князя автор использует традиционный мотив уподобления правителя равноапостольным Константину Великому и Владимиру Великому. Подобная аналогия служит как подтверждение древности и преемственности традиций русского христианского государства.⁷⁹ Очень похожий образ великого князя находим и в упомянутом выше «Слове против латинян». Князь Василий Васильевич – благоверный правитель, ревнитель православной веры, облеченный библейской мудростью (автор сравнивает Василия с царем Соломоном) изгоняет из государства «врага церковного, сеятеля плевелом злочестия, Исидора тьмокровного, латынския ереси исполненного»,⁸⁰ т.е. выступает как непосредственный защитник Москвы от проникновения католического лжеучения. Более того, вразумленный Богом великий князь, ранее

⁷⁷ PŘÍHODA, M. *Mýtus vládce v ruských polemikách proti Florentské unii*. In: PŘÍHODA MAREK – VAŇKOVÁ HANA (edd.). *Slovanské jazyky a literatury: hledání identity*. Červený Kostelec – Praha, 2009. 234.

⁷⁸ Иеромонах Симеон вместе с епископом Суздальским Авраамием сопровождали митрополита Исидора в Италию и были непосредственными очевидцами собора.

⁷⁹ «Тому благоверному великому князю Василью Васильевичю в та времена младу сущу, но умом благоразумну и богобоязнову, не книжну, ни грамотну, но верою утвержену, и теплоты горящ духом, яко же рече пророк: «во отец место быша сынове твои». Сей же великий князь Василий Васильевичь уподобися святым прежним царем, равным апостолом Константину Великому и Владимиру, нареченному во святом крещении Василию, иже крестившему русскую землю и утвердившему православную веру, поборник по православной вере греческой, якоже обычай есть святых веры греческия по уставу святых отец Василия Кесарийскаго, Иоанна Златоустаго, Григория Богослова и прочих святых отец и святых седми собор, и святых первых пап седми, Селивестра и прочих, иже в православии и в православной вере поминают их, а не в латынстве.» См.: Попов, А. Н. *Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян*. Лондон, 1972. 357.

⁸⁰ Там же. 360.

всячески отговаривает Исидора от участия в соборе, дабы тот не проникся симпатией к латинским ересям, что для автора является бесспорным свидетельством прозорливости и мудрости великого князя.⁸¹ Интересно, что в рамках апологетики прямого вмешательства великого князя в церковные дела (в частности, в вопрос назначения митрополита), что по сути является нарушением византийской традиции, авторы настаивают на особой набожности и христианской покорности Василия, который во всех делах руководствуется Святым Писанием и церковной традицией. Именно в ней он находит подтверждения права собора епископов на самостоятельный выбор митрополита.⁸²

Закреплению представления о московских правителях как защитниках веры в немалой степени способствовало падение Константинополя в 1453 году, которое было воспринято русскими современниками как справедливая Божья кара за союз с еретиками-католиками, заключив который Византия утратила свою роль главного оплота восточного христианства.⁸³

Таким образом, в московской историософии формируется идея православного царства, хранящего истинную веру, с православным государем во главе, который выступает гарантом сохранения истинной веры. Великокняжеская (позднее царская) власть приобретает непререкаемый авторитет, данная Богом, она не может быть поставлена под сомнение и ей нельзя противиться, даже в том случае, если определенные действия правителя представляются в негативном свете. Отношения между Богом и государем носят почти сакральный характер (помазанник Божий – аллюзия Христа). Следуя византийской модели взаимоотношений между церковью и правителем, принятой Русью вместе с крещением, защитником и главным поборником веры

---

⁸¹ Там же. 362.

⁸² PŘÍHODA, M. *Mýtus vládce v ruských polemikách proti Florentské unii*. In: PŘÍHODA MAREK – VAŇKOVÁ HANA (edd.). *Slovanské jazyky a literatury: hledání identity*. Červený Kostelec – Praha, 2009. 237.

⁸³ «О царствахъ же и о странахъ пременение – не от звѣздъ сие приходит, но от все дающаго Бога, о семъ пророкъ Исаия глаголетъ [...]. Да внемли Господа ради, в которую звѣзду стали христианская царства, еже нынѣ вси попрани от невѣрныхъ, ако же и пророкъ глаголетъ: «Кто даст на расхищение Израиля, не Богъ ли, Ему же согрѣшиша». Девяностъ лет, како Гречское царство разорися и не созиждется, сиа вся случися грѣхъ ради нашихъ, понеже они предаша православную греческую вѣру в латынство.» См.: *Послание монаха псковского Елеазарова монастыря Филофея дьяку М. Г. Мисюрю Мунехину*. In: СИНИЦЫНА, Н. В. *Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции*. Москва, 1998. 342.

выступает не высший церковный иерарх, а светский правитель, наделяющийся особым духовным авторитетом. Хотя формально московский государь главой церкви не являлся, практика вмешательства светской власти в решение церковных вопросов постепенно стала делом совершенно обыденным. Это касалось, в том числе, назначения и снятия митрополитов, происходивших под великокняжеским патронажем.⁸⁴ Впоследствии данное представление о священном характере царской власти, а позднее – власти вообще, подкрепленное религиозными догмами о смирении и многотерпении, приведет к формированию своеобразного комплекса покорности и смирения. «Подчинение земным и духовным владыкам было необходимым залогом спасения и основой праведной жизни в культуре Московского царства.»⁸⁵ В сознании элит Московской Руси существовало представление об особой симфонии духовной и светской власти, сопряженное с ощущением их единой миссии по сохранению православного христианства.

Для объяснения закономерности особой миссии Москвы как духовного центра христианства московские авторы используют три основных стратегии: **(1)** утверждение права преемственности русского государства и его правителей в отношении Рима и Византии;⁸⁶ **(2)** последовательный поиск параллелей во всемирной и библейской истории; **(3)** последовательное утверждение идеи провиденциализма.

В широком историческом контексте русские авторы попытались возвести происхождение династии Рюриковичей к основателю Римской империи – императору Августу, во времена правления которого родился Христос. Данная идея, изложенная в «Сказании о князьях владимирских», возникшем в 10–20-е гг. XVI в. на основании «Послания» Спиридона-Саввы,⁸⁷ достаточно быстро вошла в государственную практику Московской Руси и была закреплена в официальных памятниках, таких как Государев

---

⁸⁴ В Московской Руси первым митрополитом, поставленным без согласования с Константинопольским патриархом, стал Иона (1448 г.). Новый порядок поставления митрополитов был утвержден Соборным решением в 1459 г. и предполагал избрание Собором епископов с согласия московского князя.

⁸⁵ Антонов, Д. И. *Смута в культуре средневековой Руси*. Москва, 2009. 208.

⁸⁶ По мнению ряда исследователей, (Н. В. Сеницына, Р. Г. Скрынников), идея о правах московского государя на византийское наследие изначально возникла не на Руси, а на Западе как следствие прагматического стремления католических стран вовлечь Москву в борьбу с турками. В качестве обоснования указанных прав использовался брак Ивана III и Софьи Палеолог, организованный при деятельном участии папских легатов. См.: Скрынников, Р. Г. *Третий Рим*. Санкт-Петербург, 1994. 40.

⁸⁷ Дмитриева, Р. П. *Сказание о князьях владимирских*. Москва – Ленинград, 1955. 70–72.

родословец и Степенная книга.⁸⁸ Согласно «Сказанию»,⁸⁹ русские князья состояли в родстве с императором Августом через легендарного Пруса, который приходился родственником с одной стороны императору, с другой – Рюрику. Во второй части «Сказания» излагается легенда об обретении великокняжеских (царских) регалий, которые якобы были посланы Владимиру Мономаху (великий князь киевский, 1113–1125 гг.) византийским императором Константином Мономахом (около 1042–1055 гг.) в знак признания его могущества.⁹⁰ Очевидно, что историческая достоверность этих сюжетов не выдерживает критики уже хотя бы ввиду хронологических несоответствий. Родство с римскими императорами и древность рода служили доказательствами обоснованности царской титулатуры, а также указывали на первенство московской династии над другими родами. В данной связи примечательно дополнение к «Сказанию», в котором рассказывается о низком происхождении литовских князей, ведущих свой род от конюха Гегименика, женившегося на княжеской вдове. «Сказание о князьях владимирских» стало своеобразной апологией верховенства московских правителей с точки зрения светской власти, источники которого лежат в римском и византийском наследии.

Духовный примат Московской Руси утверждается в последовательном осуждении католической церкви и в апробации идеи Третьего Рима применительно к Великому княжеству Московскому. Данная концепция в московской письменной традиции была сформулирована около 1523–1524 гг. в «Послании» монаха псковского

---

⁸⁸ По мнению Р. Г. Скрынникова, «Сказание» появилось в связи с коронацией Дмитрия-внука, сына Елены Волошанки. При этом обращает на себя внимание следующий парадокс: идею о византийском «наследии» настойчиво развивали не сторонники гречанки Софьи Палеолог, а их противники. См.: Скрынников, Р. Г. *Третий Рим*. Санкт-Петербург, 1994. 44.

⁸⁹ *Сказание о князьях владимирских*. In: ПЛДР (Конец XV – первая половина XVI веков). Сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. Москва, 1984. 422–435.

⁹⁰ «С шеи своей снял он животворящий крест, сделанный из животворящего древа, на котором был распят сам владыка Христос. С головы же своей снял он венец царский и положил его на блюдо золотое. Повелел он принести сердоликовую чашу, из которой Август, царь римский, пил вино, и ожерелье, которое он на плечах своих носил, и цепь, скованную из аравийского золота, и много других даров царских. И [...] послал их к великому князю Владимиру Всеволодовичу, так говоря с мольбой: 'Прими от нас, о боголюбивый и благоверный князь, во славу твою и честь эти честные дары, которые с самого начала твоего рода и твоих предков являются царским жребием, чтобы венчаться ими на престол твоего свободного и самодержавного царства.'» Там же. 429.

Елезарова монастыря Филофея дьяку М. Г. Мисюрю Мунехину⁹¹ («Послание на звездочетцев»). При учреждении в 1589 г. Московского патриархата она была официально зафиксирована в Уложенной грамоте Московского Освященного Собора. Вопреки достаточно распространенному мнению о политической мотивированности данной концепции идея Третьего Рима у Филофея наполнена исключительно духовным смыслом и не несет в себе какого-либо политического послания, что, впрочем, не уменьшает ее роли в формировании исторического сознания Московской Руси.⁹² В основе идеи Третьего Рима лежит постулат о возможности переноса духовного царства. Ромейское царство (Рим) существует на протяжении всей истории христианства и будет существовать до Страшного суда. Особая духовная миссия Рима предопределена тем, что именно на его территории родился Христос. Однако в случае отклонения от своего высокого послания духовный центр может переноситься в другие государства. Филофей различает в христианской истории три Рима. Первый Рим (западный) отступил от истинного христианства, впусив в церковную практику ереси, причем положение католиков усугубляется тем, что сделали они это добровольно и осознанно.⁹³ Вина Византии, второго Рима, заключалась в союзе с еретиками-католиками (Флорентийская уния). Третьим и последним Римом стала Русь: «[...] вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророчскимъ книгамъ то есть Ромейское царство. Два убо Рима падоша, а третии стоит, а четвертому не быти.»⁹⁴

⁹¹ *Послание монаха псковского Елезарова монастыря Филофея дьяку М.Г. Мисюрю Мунехину.* In: СИНИЦЫНА, Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. Москва, 1998. 339–348.

⁹² По мнению Н. В. Синицыной, политическая трактовка Третьего Рима, наполняющая идею империалистическим и политическим смыслом, сформировалась уже в Новое время под влиянием актуальной для второй половины XIX в. «восточной проблематики» и вопроса проливов. При реконструкции генезиса концепции становится понятно, что идея находится преимущественно в русле православной религиозной мысли. В своей политической интерпретации идея функционирует на уровне публицистики и «исторических медитаций», так как апологеты данного подхода не могут опереться на источники. См. подробнее: СИНИЦЫНА, Н. В. *Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции.* Москва, 1998. 8–12.

⁹³ «Не подобает намъ внимати прельстемъ их, во истину суть еретицы, своею волею отпадше от православныя вѣры христьянския, паче же опрѣсночнаго ради служения. Бѣша с нами в соединении семьсот лѣтъ и сдмьдесят, а егда отпадоша правыя вѣры, семьсотъ и 30 и 5 лѣтъ, в Аполи[нарие]ву ересь впадше, прелшени Карулсом царем и папою Формосом.» Там же. 342–343.

⁹⁴ Там же. 345.

Сознания особой христианской миссии Руси и московского царя отражены в «Изложении пасхалии» митрополита Зосимы, где автор приводит в соответствие факты из византийской и русской истории, в частности основание Константинополя императором Константином I Великим (324–337 гг.) и христианизацию Руси Владимиром I Святославичем (980–1015 гг.).⁹⁵

Непреходящее символическое значение для московских государей имела идея о прямой духовной и государственной преемственности, существовавшей между Киевской и Московской Русью. Такая преемственность устанавливала духовно необходимую связь с моментом принятия Русью христианства. Уже в самых ранних памятниках Киевской Руси крещение Владимира понимается как событие, осененное исключительно Божьей милостью и не связанное с внешними влияниями (в частности, с влиянием Византии). Связь с наследием Киева служила свидетельством длительности и континуальности традиций русской государственности, восходящей своими корнями ко временам правления первых Рюриковичей. Идея Москвы как непосредственной и единственной преемницы Киева реализуется, помимо прочего, посредством многочисленных ссылок на реалии и исторические личности Киевского периода, в том числе, на канонизированных правителей (т.е. общий пантеон собственно русских святых). В Москве формируется мысль о том, что московские правители как прямые потомки Рюрика вправе претендовать на тот же объем власти, которым располагал полулегендарный основатель династии – правитель всей русской земли.⁹⁶ Непрерывность династии понималась как особое Божье благословение и непосредственное свидетельство покровительства, оказываемого Богом русскому государству. Именно поэтому внезапное пресечение царского рода было воспринято как Божья кара не только простыми обывателями, но и образованными людьми.⁹⁷

Еще одним памятником, который нельзя обойти вниманием в контексте исследования генезиса московского мышления, является «Послание на Угру» Вассиана Рыло, адресованное великому князю Ивану III. Текст датируется 1480 г. и связан с

---

⁹⁵ PŘÍHODA, M. *Mnich Filofej a Třetí Řím (vznik a proměny jedné ideje první poloviny 16. století)*. In: GKANTZIOS DRÁPELOVÁ PAVLA – TĚRA MICHAL – PŘÍHODA MAREK – NYKL HANUŠ – SLÁDEK KAREL. *Kulturní, duchovní a etnické kořeny Ruska: portréty*. Červený Kostelec, 2009. 158–160.

⁹⁶ PŘÍHODA, M. *Konfesijní otázka a vědomí náboženské výlučnosti v konstituování raně novověké identity (na materiálu ruských historických vyprávění o Smutě první poloviny 17. století)*. *Slavia*, 2013/82, 1–2. 193.

⁹⁷ КЛЮЧЕВСКИЙ, В. О. *Курс русской истории*. Ч. III. Петроград, 1918. 82–84.

событиями, формально завершившими период татаро-монгольского ига на Руси и известными в историографии как стояние на реке Угре. В «Послании» Архиепископ Ростовский Вассиан настойчиво именуется Ивану III царем⁹⁸ и излагает духовно-политический смысл царской власти, суть которой выражается в защите благочестивой православной веры и обороне отечества от безбожников. Подлинный православный государь – это «воин Христов» и «истинный пастырь». Вассиан проводит многочисленные параллели с библейской историей. Так в «Послании на Угру» появляется важный для мышления Московской Руси мотив нового Израиля,⁹⁹ т.е. нового богоизбранного государства, которому Богом уготована особая миссия в истории христианства.¹⁰⁰

Еще одним системообразующим мотивом письменной традиции русского средневековья, который хорошо иллюстрируется на примере «Послания на Угру», является представление о божественной предопределенности всего сущего и неотвратимости кары за грехи. Все в мире происходит по воле Бога либо по его попущению. Единственным двигателем истории является Божий промысел, им же ограничивается и способность человека повлиять на ход развития событий. Будучи лишь орудием в руках Бога, человек, однако, обладает свободой воли и выбора, отвечает перед Богом за свои поступки и неизбежно понесет наказание за совершенные грехи.

Таким образом, ко времени начала Смуты в Московской Руси оформилась достаточно стройная система представлений о духовной миссии Руси, о специфике и природе царской власти, закономерностях развития исторического процесса и месте Московского государства в истории. Данные представления оказали существенное влияние на формирование идентичности Московской Руси и послужили основой для определенной духовной самоизоляции от соседних культур и народов, частным примером чего может служить неприязненное отношение к иноземцам.

---

⁹⁸ «Если бы ты, о крепкий и храбрый царь, и твое христолюбивое воинство до крови и смерти пострадали за православную веру христианскую и за Божий церкви ...» См.: *Послание на Угру Вассиана Рыло*. In: ПЛДР (Вторая половина XV века). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1982. 530. «И пророки сказали бы: Богом утвержденный царь, соберись с силой, преуспей и царствуй истины ради, и кротости, и правды...» Там же. 534.

⁹⁹ Там же. 532–533.

¹⁰⁰ Данный мотив получит дальнейшее развитие в памятниках о Смутном времени.

1.3 Основная проблематика памятников московской письменности первой половины XVII в., посвященных событиям Смутного времени

1.3.1 Традиционные мотивы

Несмотря на многочисленные стилистические, структурные, композиционные и иные различия, существующие между рассматриваемыми нами памятниками, все они находятся в русле единой письменной традиции, сформировавшейся в предшествующие века и отражающей состояние религиозно-философской мысли Московской Руси на начало XVII в. Выше нами были обозначены основные черты, присущие данной традиции, в числе которых: ярко выраженная религиозная направленность, провиденциализм, убежденность в особой христианской миссии Руси и ее правителей, связь с христианской и всемирной историей и др. Все они в той или иной мере сохраняются в памятниках московской письменности XVII столетия. В данных текстах по-прежнему разрабатываются мотивы религиозной исключительности и духовного примата Руси в роли защитницы христианской веры, проводятся параллели с библейской историей, воспроизводятся представления о духовном правопреемстве московских правителей по отношению к римским и византийским императорам, утверждается неразрывная связь с Киевской Русью. В качестве иллюстрации к данному утверждению приведем несколько примеров.

Во вступительной части «Словес» Иван Хворостинин пересказывает летописную легенду о посещении Андреем Первозванным Днепровских холмов, согласно которой апостол указал и благословил место, где позднее возникнет Киев и «воссияет благодать Божья».¹⁰¹ Также автор вкратце напоминает историю крещения Руси, которая в соответствии с Божьим промыслом, логику которого простым смертным в полной мере понять не дано, оставалась «омрачена тьмой служения идолам и скверными делами»¹⁰² значительно дольше, чем другие народы. В конце концов, однако, Божья благодать посетила князя Владимира, который не только крестился сам, «став сыном света», но и повелел креститься всему своему народу.¹⁰³

---

¹⁰¹ *Словеса дней, и царей, и святителей московских.* Изд.: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 431–433.

¹⁰² Там же. 433.

¹⁰³ «С того времени праведное солнце – Христос светом евангельской проповеди землю нашу озарил, и апостольский глас нас научил.» Там же. 433.

В апологии Ивана Грозного, как достойного и славного правителя, Иван Тимофеев напоминает о древнем происхождении московской династии, которая в традиционном представлении русских книжников восходит своими корнями к римским императорам, в частности Августу.¹⁰⁴ О «Римском кесаре» как о предке Рюрика сообщается и в крестоцеловальной записи Василия Шуйского, содержащейся в «Ином сказании».¹⁰⁵ И. М. Катырев-Ростовский указывает на то, что московский «царский корень» ведется от императора Августа, уже в пространном заголовке своего сочинения.¹⁰⁶ Данные примеры вполне закономерны и не являются новаторством авторов-современников Смуты, так как легенда о происхождении московских правителей от римских императоров официально была введена в государственную практику еще в середине XVI в.¹⁰⁷

В памятниках первой половины XVII в. развитие получают религиозно-философские концепты «нового Израиля» и «нового Рима», уходящие своими корнями в более раннюю традицию московской письменности. Книжники рассматривают историю Московского царства как продолжение ветхозаветной истории избранного народа Израиля, что представляет собой весомый аргумент в утверждении идеи богоизбранности Руси. Иван Тимофеев называет Россию «новым Израилем» в самом начале «Временника», в заголовке части, посвященной правлению последних представителей династии Рюриковичей, которые царствовали благочестиво и

---

¹⁰⁴ «Постоянное благородство было у него от отца, он был как посланный неувядающий цветок, как от солнца восходящая утренняя заря. Ибо не только от Рюрика и благодаря ему они начали властвовать, но от самого Римского кесаря Августа, обладателя вселенной...» См.: *Временник Ивана Тимофеева*. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Москва – Ленинград, 1951. 173.

¹⁰⁵ *Иное сказание*. In: РИБ. Том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891. 71.

¹⁰⁶ *Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского*. In: РИБ. Том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891. 560.

¹⁰⁷ «Сказание о князьях владимирских», в котором излагается легенда о столь древнем происхождении рода Рюриковичей, была включена в Государев родословец (1555 г.) и Степенную книгу (1560–1563 гг.), а также использовалась в чине венчания на царство Ивана IV (1547 г.).

самодержавно, «имея превосходство над всеми».¹⁰⁸ В аналогичном контексте Тимофеев упоминает «новый Израиль» в конце «Временника», а точнее, говорит о «людях Божиих нового Израиля», которыми правил «твердый поборник благочестия, просвещенный Иван Всегрозный».¹⁰⁹ Термин «другой Рим» Тимофеев употребляет во фрагменте, описывающем династию Рюриковичей и причины ее пресечения: «И такой части вселенной под небом, такому как бы другому Риму, – всему православному царству остаться совсем без наследников?»¹¹⁰ В главе «Истории», посвященной разорению Москвы польско-литовскими войсками, Авраамий Палицын называет Москву новым Римом, превознося бывшее величие и славу «царствующаго града»: ¹¹¹ «[...] святыми церквями и многоцелебными мощми святых цветяше, и молитвами их от вся содержащего укрепляем, растяше и возвышашеся и от многих государств поклоняем, богатством же и славою и многонародным множеством и превеликим пространством, не токмо в Росии, но и во многих ближних и дальних государствах прославляем и удивляем бысть царствующий сей град Москва, паче же реку Новый Рим».¹¹² Параллели с библейской ветхозаветной историей встречаем и у Ивана Хворостинина, называющего русский народ «новообращенными израильтянами»¹¹³ и уподобляющего Русь Израилю, которым не по праву овладел недостойный правитель (Лжедмитрий I).¹¹⁴ В «Плаче о пленении и конечном разорении Московского государства» автор называет Москву

¹⁰⁸ «По достоинству самодержавные царствования благочестивых (царей), которые царствовали над новым Израилем – великой Россией – по милости (Божией) при нашем поколении, имея превосходство над всеми.» См.: *Временник Ивана Тимофеева*. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Москва – Ленинград, 1951. 172.

¹⁰⁹ Там же. 328.

¹¹⁰ Там же. 196–197.

¹¹¹ *Сказание Авраамия Палицына*. Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной, Е. В. Колосовой. Под ред. Л. В. Черепнина. Москва – Ленинград, 1955. 211.

¹¹² Там же. 212.

¹¹³ «Мы убо воистинну истинные нарицаемся израильтяне новопросвященныя...» См.: *Словеса дней, и царей, и святителей московских*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Москва, 1987. 444.

¹¹⁴ «[...] слово пророческое указывает на недостойнейшего правителя Израиля, неправдой неправедно губящего людей, возвышающего униженных и унижающего вознесшихся.» См.: *Словеса дней, и царей, и святителей московских*. Там же. 445.

«дщерью нового Сиона».¹¹⁵ Это сравнение восходит к ветхозаветной книге пророка Иеремии и является символом неверной дочери, преступившей Божий закон (Иер. 6:2, 23 и др.) Данный образ позволяет акцентировать два важных для книжности XVII в. момента: с одной стороны, Москва – избранный Богом святой город, несущий особое христианское послание, с другой, – город, забывший о Боге и погрязший в грехе.

Несмотря на присутствие вышеуказанных традиционных мотивов в памятниках письменности XVII в., следует отметить, что они несколько оттесняются на задний план новыми темами, появление которых обусловлено самыми разными аспектами разразившегося социально-политического и духовного кризиса, поставившего под сомнение концептуальную основу религиозно-философской мысли Московской Руси.

1.3.2 Причины Смуты и пути ее преодоления

При анализе памятников XVII в. о Смутном времени можно выделить ряд отличительных особенностей, которые в той или иной мере присущи всем этим текстам и служат их объединяющим началом. Прежде всего, это стремление к критическому анализу и интерпретации происходящих событий, желание понять их глубинные причины, поиск путей выхода из сложившегося кризиса.¹¹⁶ Исходя из убежденности в божественной предопределенности всего сущего, типичной для московского средневекового мышления, авторы последовательно проводят мысль о том, что все потрясения, переживаемые Московским государством, есть ни что иное как Божья кара за совершенные и совершаемые грехи. Трагическое грехопадение всего русского общества, потеря страха перед Богом и Страшным судом¹¹⁷ рассматривается в текстах как основная причина несчастий, постигших Русь. Отдельное внимание уделяется

¹¹⁵ *Плач о пленении и конечном разорении*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 134.

¹¹⁶ Более интенсивно тенденция к рефлексии над событиями Смутного времени проявляется в памятниках, созданных после 1613 г., однако первые попытки интерпретации происходящего присутствуют и в текстах, созданных до завершения Смуты. См.: ДЕРЖАВИНА, О. А. *Сказание Авраамия Палицына и его автор*. In: Сказание Авраамия Палицына. Подготовка текста и комментарии О. А. ДЕРЖАВИНОЙ, Е. В. КОЛОСОВОЙ. Под ред. Л. В. ЧЕРЕПНИНА. Москва – Ленинград, 1955. 21.

¹¹⁷ «Думаю, что все ранее указанные пороки (появились) у нас от (потери) страха Божия, от потери сознания своих грехов, оттого что сердце наше окаменело и мы не ожидаем над нами суда.» См.: *Временник Ивана Тимофеева*. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. ДЕРЖАВИНОЙ. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ. Москва – Ленинград, 1951. 93.

грехам правителей (царей), Божьих помазанников, переставших жить по закону Божьему. Примечательно, что, по мысли авторов, грехопадение также является Божьим попусшением, которое парадоксальным образом трактуется как проявление особого благоволения Бога к русскому народу.¹¹⁸

В текстах приводятся обширные и подробные описания грехов, за совершение которых Русь несет наказание. Так, обращаясь к проблематике причин «падения превысокой России», автор «Плача» перечисляет ряд конкретных прегрешений, в числе которых колдовство и чародейство, ереси, гордыня, злоба, блуд. При этом, внимание акцентируется на греховности царей и вельмож, которые «[...] вместо к Богу возводящей лестницы спасительных слов, кои рождаются от содержащихся в книгах истин, приняли богоненавистные дары: бесовские козни, волшебство и чародейство. И вместо духовных людей и сынов света возлюбили детей сатаны, которые уводят от Бога и несомненного света во тьму.»¹¹⁹

Интересным образом реализована идея всеобщей греховности в «Ином сказании», точнее во вставном «Видении некоему мужу духовну»,¹²⁰ где перечисление грехов исходит из уст самого Христа.¹²¹ Несмотря на просьбу Богородицы помиловать праведное Московское царство («[...] пощади люди своя, познавших Тебе, истиннаго Бога, и Мене, Матере твоя...»), Христос остается тверд в своем намерении покарать русский народ, отступивший от евангельских заповедей и оскверняющий церковь «лукавыми нравами и праздными беседами». В «Видении» применительно к русскому народу снова употребляется термин «новый Израиль», особую весомость которому придает тот факт, что апеллирует им сам Христос. Новоизбранный народ, однако, давно

¹¹⁸ «[...] на нас, как знающих его (Бога) волю и не исполняющих ее, прежде всех народов пало гневное определение Божие, и он наказаниями, как рулем, обращает нас к себе от уклонения с пути его.» Там же. 265.

¹¹⁹ *Плач о пленении и конечном разорении.* In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 135.

¹²⁰ В тексте памятника носит пространный заголовок «Повѣсть сія велми дивна и зѣло полезна нынѣшному роду лукавому и непокорливому и отбѣгшему отъ Божія милости и уклонившемуся отъ заповѣдей Его святыхъ и впадшему въ сѣти діаволя многоразличныя».

¹²¹ «[...] брады своя постригають, содомскія дѣла творять, и неправедный судъ судять, и правымъ убо насилуютъ, и грабятъ чужая имѣнія, и многа ина дѣла творять, ихъ же ненавидитъ духъ мой.» См.: *Иное сказание.* In: РИБ. Том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891. 103–104.

разгневал своего Владыку, поддавшись многочисленным греховным искушениям. В грехе повинны простые люди, цари, священнослужители: «[...] нѣсть истинны во царѣхъ же, и патриарсѣхъ, и во всемъ церковномъ чину, ни во всемъ народѣ моемъ, новомъ Израили, яко не ходять по преданіи моемъ и заповѣдей моихъ не хранять.» Долгое время, внемля молитвам Богородицы, Всевышний оставался милостив к московскому народу. Однако на этот раз Божьему долготерпению пришел конец и на головы русских грешников должна обрушиться заслуженная небесная кара, которая трактуется как суровая воспитательная мера, необходимая для того, чтобы вернуть избранный народ на путь истинный.¹²² Отметим, что в «Ином сказании» данное видение разрывает эпизод о восстании Ивана Болотникова в том месте, где повествуется о приближении его войск к Москве и начавшейся осаде города, вызвавшей панику среди населения.¹²³

Необходимым условием для выхода из сложившегося кризиса авторы-современники считают всеобщее искреннее покаяние и молитву, узрев которые Господь сменит гнев на милость. Так в вышеупомянутом эпизоде «Иного сказания» Божье прощение в виде избавление от осаждающих было даровано Москве после того, как Василий Шуйский повелел всему городу усердно молиться и соблюдать строгий пост, и сам вместе с патриархом подавал в том пример. Созвучный мотив призыва к всеобщему покаянию присутствует и в «Плаче»: «Приклоните уши ваши, и примем страх Божий в сердца свои и начнем просить милости у всещедрого Бога с неутешными слезами и вздохами и стенанием! Отяжелевшее бремя грехов наших покаянием и милостынями и прочими благими деяниями рассыплем, дабы премилостивый Бог наш человеколюбия ради своего пощадил остаток рода христианского и устранил от нас врагов наших и злолукавый заговор их уничтожил...».¹²⁴

1.3.3 Законные и ложные цари

Одной из ключевых проблем, над которой размышляют книжники первой половины XVII в., становится проблема легитимности царской власти. Для более ранних авторов московский царь обладал безусловным авторитетом и фактически выступал

¹²² «Азь же предамъ ихъ кровоядцемъ и немилостивымъ азбойникомъ, да накажутся малодушніи и приидуть въ чювство, и тогда пощажу ихъ.» Там же. 104.

¹²³ Там же. 101.

¹²⁴ *Плач о пленении и конечном разорении.* In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 145.

проводником воли Бога на земле, на которого, ко всему прочему, была возложена миссия по спасению истинного христианства от угроз, исходящих от еретиков и вероотступников. Факт непрерывности династии понимался как Божье благословение и подтверждение правильности существующего порядка вещей. Царская власть, некогда дарованная Богом родоначальникам династии,¹²⁵ передавалась по наследству из поколения в поколение, т.е. носила прирожденный характер. Внезапное пресечение династии и появление целой череды новых правителей, обстоятельства воцарения которых никак не соответствовали веками установленному порядку, привело к сбою в системе социально-политических координат, который не мог быть оставлен без внимания духовными и интеллектуальными элитами Московского государства.

Проблема законности власти правителей, не принадлежащих к московской династии, в той или иной степени поднимается всеми авторами, но рассматривается не концептуально,¹²⁶ а отдельно для каждого конкретного случая (Борис Годунов, Лжедмитрий I, Василий Шуйский) и преимущественно с позиции узурпации трона.¹²⁷ Пытаясь преодолеть возникший диссонанс между священной природой царской власти как таковой и получением венца «недостойными» людьми, московские книжники формируют представление о природных (прирожденных, истинно самодержавных, законных) и ложных (ненастоящих, неприрожденных, незаконных) царях. Более подробно, чем другие авторы, на проблеме царской власти останавливается Иван Тимофеев.¹²⁸ Помимо деления царей на «природных» и «ненастоящих»,¹²⁹ автор проводит разграничение между царской властью как институтом и ее конкретной

¹²⁵ «[...] учинилися есмя на отчинѣ прародителей нашихъ, на Російскомъ государствѣ царемъ и великимъ княземъ, его же дарова Богъ прародителю нашему Рюрику, иже отъ Римскаго кесаря, ...» См.: *Иное сказание*. In: РИБ. Том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891. 71.

¹²⁶ Исключение составляет «Временник» Ивана Тимофеева.

¹²⁷ Ср. апологетику Василия Шуйского в «Ином сказании», преимущественно в первой его части, основным источником которой послужила так называемая «Повесть 1606 года» (см. выше: Краткий обзор источников).

¹²⁸ См. подробнее: PŘÍHODA, M. *Od krize carství ke krizi hodnot (kontexty Ivana Timofejeva)*. In: KEDRON KATEŘINA – PŘÍHODA MAREK (edd.). *Etnicita slovanského areálu (Historické proměny a současný stav)*. Červený Kostelec – Praha, 2011. 115–130.

¹²⁹ *Временник Ивана Тимофеева*. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Москва – Ленинград, 1951. 276.

реализацией в руках правителя. Царский венец, по мысли автора, сохраняет свою священность и чистоту даже в случае недостойного правления.¹³⁰ Такой подход, как нам кажется, позволяет автору решить неудобный вопрос падения авторитета царской власти как государственного и религиозного института, возникший вследствие пресечения династии, беспорядочной смены правителей на московском престоле и общей политической неопределенности.¹³¹ Помимо этого, Тимофеев затрагивает проблему реакции подданных на появление «незаконных царей» («бессловесное молчание» вельмож и простого народа при виде происходящих беззаконий, к числу которых относится и восшествие на престол Бориса Годунова, Тимофеев считает одним из основных прегрешений, за которые на Русь была послана Смута).¹³²

В контексте проблематики законности царской власти показательным является сопоставление образов двух русских монархов, в оценке жизни и деятельности которых авторы, в целом, единодушны. Среди положительных персонажей, вызывающих симпатию книжников XVII в., выделяется Федор I Иоаннович, последний правитель из династии Рюриковичей, который «державствовал тихо и безмятежно, во благонравии живуще».¹³³ Федор отличался особым благочестием и воплощал в себе образ православного монашествующего царя.¹³⁴ Интересна портретная зарисовка Федора из «Летописной книги»: ее автор изображает царя как невысокого человека, который носит образ смирения и постничества, постоянно пребывает в молитвах и заботится исключительно о спасении своей души, не предавая значения делам мирским.¹³⁵

---

¹³⁰ Там же. 281.

¹³¹ Мотив бесспорной священности царской власти встречается и в «Словесах» Ивана Хворостинина в рассказе о восшествии на трон Лжедмитрия, недостойного царя, осквернившего московский престол. См.: *Словеса дней, и царей, и святителей московских*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 440.

¹³² *Временник Ивана Тимофеева*. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. ДЕРЖАВИНОЙ. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ. Москва – Ленинград, 1951. 263.

¹³³ *Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского*. In: РИБ, том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891. 563.

¹³⁴ «Извне все легко могли видеть в нем царя, внутри же подвигами иночества он оказался монахом...» См.: *Временник Ивана Тимофеева*. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. ДЕРЖАВИНОЙ. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ. Москва – Ленинград, 1951. 189.

¹³⁵ *Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского*. In: РИБ. Том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891. 620.

За особое благочестие царя Федора Бог благоволит его земле, даруя ей годы изобильной и мирной жизни без кровопролитных войн и бедствий.¹³⁶ Отметим, что в понимании авторов XVII в. для законных правителей категории набожности и благочестия важны как один из критериев легитимности их власти. В этой связи для сравнения уместно упомянуть, например, о критике, адресованной авторами XVII в. «незаконным царям» в связи с их тягой к общению с различными колдунами, ведуньями и гадалками (в частности, это касается Бориса Годунова и Василия Шуйского).¹³⁷ Посвященные этой проблеме пассажи встречаются у Ивана Тимофеева, Авраамия Палицына, Ивана Хворостинина, в «Ином сказании» и других памятниках.

Среди антигероев Смуты в памятниках первой половины XVII в. наиболее сложной и противоречивой фигурой является Борис Годунов, первый из «незаконных» царей. Несмотря на то, что в своих оценках книжники преимущественно осуждают его (что, впрочем, может быть отчасти обусловлено временем написания текстов и апологетикой династии Романовых), в отношении к Годунову в текстах прослеживается достаточно ярко выраженная амбивалентность. И Тимофеев, и Палицын, и Хворостинин, и Катырев-Ростовский допускают определенную динамику в развитии образа Годунова и отмечают у него целый ряд положительных качеств (прежде всего, как правителя),¹³⁸ которые, однако, сводятся на нет грехом гордыни и властолюбия. Противоречивую характеристику Борису Годунову дает Иван Хворостинин: «Хотя он был коварным и властолюбивым, но также и весьма благочестивым: он множество церквей воздвиг, и красоту городов великолепием наполнил, лихоимцев укротил, надменных искоренил,

---

¹³⁶ «И той убо не радя о земном царствии мимоходящем, но всегда ища непремеяемаго. Его же видя, око, зрящее от превышних небес, дает по того изволению немятежно земли Рустей пребывание и всех благих преизобилование. Кипяше же и возрасташе велию славою и распространяшеся во все страны царство его.» См.: *Сказание Авраамия Палицына*. Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной, Е. В. Колосовой. Под ред. Л. В. Черепнина. Москва – Ленинград, 1955. 101.

¹³⁷ «[...] иногда он бога просил о помощи, а иногда с чародеями свое будущее пытался узнать и гаданиям суетным и тайным предавался, так как он издавна постиг науку гадания, от которой да избавит нас человеколюбивый Христос.» См.: *Словеса дней, и царей, и святителей московских*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. Москва, 1987. 447.

¹³⁸ «Царь же Борис о всяком благочестии и о исправлении всех нужных царству вещей зело печашеся; по словеси же своему о бедных и о нищих крепче промышляше, и милость его к таковым велика бываше; злых же людей люте изгубляше.» См.: *Сказание Авраамия Палицына*. Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной, Е. В. Колосовой. Под ред. Л. В. Черепнина. Москва – Ленинград, 1955. 104.

странам чужим он страх внушал, и, как добрый гигант, был он исполнен мудрости в земной жизни, и получил славу и честь от царей, но озлобил подданных своих, и восстановил сына против отца и отца против сына, и вселил вражду в дома их, и ненависть и коварство вселил в рабов, и поднял зависимых людей на свободных, и унизил господ, находящихся у власти, и внес соблазн в мир, и породил ненависть, [...] и возгордился весьма, и заставлял почитать себя как Бога.»¹³⁹ И. М. Катырев-Ростовский описывает Бориса Годунова как человека рассудительного, благочестивого и милостивого, который «[...] образом своимъ и дѣлы множество людей превзошедъ» и во времена своего правления сделал для государства много добрых дел.¹⁴⁰ После восшествия на престол царь Борис «помрачился умом» и «воспринял горделивое безумие», за что и был наказан.

Иван Тимофеев характеризует Бориса Годунова в крайне негативных тонах: «Был он злоковарен и лукав, под личиной милости скрывая от всех злобу своих дел...».¹⁴¹ Тимофеев яростно обличает Бориса, «рабоцаря», в убийстве царевича Дмитрия, обвиняет его в отравлении Федора Иоанновича и дерзновенном восшествии на московский престол. Однако и у Тимофеева мы находим длинный пассаж, в котором он рассказывает о Борисе как человеке добродетельном, благочестивом, справедливым, «бескорыстно любящем правосудие», «нелицемерно искореняющем неправду», защитнике слабых и обездоленных. Таким, по словам автора, Годунов был до тех пор, пока его не обуяло властолюбие. Признавая за Борисом добрые дела, Тимофеев утверждает, однако, что совершал он их неискренне, из стремления к мирской славе и достижению царского престола. Автор уличает Годунова в гордыне, «открытом притворстве» и «мнимой заботливости о земле»,¹⁴² которая вводила в заблуждение многих из его окружения.

¹³⁹ *Словеса дней, и царей, и святителей московских.* In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Москва, 1987. 435–437.

¹⁴⁰ *Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского.* In: РИБ. Том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891. 563.

¹⁴¹ *Временник Ивана Тимофеева.* Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Москва – Ленинград, 1951. 192.

¹⁴² Там же. 230–234.

1.3.4 Оценка событий Смуты

В анализе и интерпретации событий Смутного времени авторы, в целом, придерживаются единой линии, которая в самых общих чертах выглядит следующим образом: прекращение царского рода и начало Смуты есть ни что иное как кара за многочисленные грехи и отказ от благочестивой жизни; Годунов несправедливо овладевает престолом, беря то, что по праву ему не принадлежит, и тем самым продолжая череду преступлений русского народа и его правителей перед Богом; в наказание за гордыню и властолюбие Годунова и молчание народа Бог посылает на Русь Лжедмитрия («воплотившегося антихриста») и иноземные войска («бесовское сонмище»); пиком Божьего гнева становятся разорение Москвы в 1611 г. и иностранная военная интервенция; наконец, избрание нового царя и становление династии Романовых спасает страну и общество от тотальной деструкции; ожидается, что обретение законного правителя приведет ко всеобщему умиротворению и вернет все на круги своя, так как Романовы, состоящие в родственных связях с Рюриковичами,¹⁴³ могут считаться законными царями. Вторым важным аргументом для признания легитимности воцарения новой династии служит факт ее единогласного¹⁴⁴ и всенародного избрания, в котором участвовали «люди отъ всѣхъ градовъ»,¹⁴⁵ «маліи и велицыи, богатіи и нищии, старья же и юнныя».¹⁴⁶

¹⁴³ Анастасия Романовна (1530 (1532)–1560), первая жена Ивана IV Грозного и мать царя Фёдора Иоанновича, происходила из рода Захарьиных-Юрьевых (позднее, Романовых).

¹⁴⁴ «[...]» единогласно вси народи вопіяху, да помажут на царство царя Михаила...» См.: *Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского*. In: РИБ. Том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891. 618.

¹⁴⁵ Там же. 618.

¹⁴⁶ *Иное сказание*. In: РИБ. Том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891. 68.

Глава 2. Образ иноземцев в памятниках XVII в. о Смутном времени

2.1 Религиозная принадлежность как основной фактор отношения к иноземцам

Проведенный анализ ключевых концептов религиозно-философской мысли Московской Руси и их реализаций непосредственно в памятниках письменности позволяет высказать предположение о том, что специфика восприятия иноземцев в Московской Руси, в общем и целом, была обусловлена идеей духовной конфронтации с Западом и защиты православной веры от исходящей от него угрозы. Представления о религиозной исключительности и особой христианской миссии русского народа сыграли очень важную роль в формировании идентичности и самосознания московского общества и государства. События Смутного времени оказались благодатной почвой для возврата к данным концептам и их дополнительного осмысления в условиях конкретной реализации в виде реального вооруженного противостояния с иноземцами.

В основу отношения к иноземцам в русском обществе Московского периода был положен сам **факт их принадлежности к иной вере**, которая традиционно трактовалась как ересь, богоотступничество, безбожие, представляющее собой опасную угрозу для существования истинного христианства, т.е. православия.¹⁴⁷ Собственно национальный

---

¹⁴⁷ Интересно, что в представлении книжников Древней Руси католики и протестанты (которых они, кстати, в большинстве случаев не различают), сознательно отступившие от истинного учения Христа, значительно порочнее, чем язычники или иудеи, не познавшие света христианства. «Или кое приобрѣтение и почесть, иже оставити нам своего православнаго государя царя и покоритися ложному, врагу, вору и вам, латине, иновѣрным, и быти нам, яко жидом или и горши сих? Они бо, жидове, не познавше, Господа своего распяша, нам же, знающим своего православнаго государя, под ихже царскою христианскою властью от прародителей наших родихомся в виноградѣ истиннаго пастыря Христа.» См.: *Сказание Авраамия Палицына*. Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной, Е. В. Колосовой. Под ред. Л. В. Черепнина. Москва – Ленинград, 1955. 137.

фактор при этом отходит на задний план и не играет какой-либо существенной роли.¹⁴⁸ Доминирование религиозного аспекта в формировании представлений об иноземцах (иноверцах) в Московской Руси является ключевым моментом, из которого мы будем исходить при анализе их образа в памятниках письменности XVII в., хотя очевидно, что данное явление нельзя рассматривать как уникальную черту, присущую исключительно текстам о Смутном времени (ср. полемические сочинения против католиков и др.).

Прежде чем перейти непосредственно к анализу текстов, необходимо также констатировать, что, говоря об образе иноземцев в текстах о Смуте, мы, фактически, имеем в виду образ поляков и литовцев (в значительно меньшей степени шведов), т.е. народов, принимавших непосредственное участие в событиях Смутного времени и иностранной интервенции.

2.2 Идея богоизбранности Московского царства

В контексте взаимоотношений с иноземцами авторы первой половины XVII в. продолжают развивать представления о богоизбранности Руси и православия, выстраивая их на контрасте с «проклятой землей и верой»¹⁴⁹ интервентов.¹⁵⁰ В текстах о Смуте, рассматриваемых нами в данной работе, идея богоизбранности Московского царства последовательно реализуется в двух основных мотивах: (1) идеализация славного прошлого Руси; (2) участие небесных сил в борьбе с иноземными захватчиками и русскими изменниками.

---

¹⁴⁸ В качестве примера, подтверждающего данное утверждение, можно привести рассказ о глухонемом пане Мартыяше, который перешел на сторону защитников Троице-Сергиева монастыря, разоблачил лукавые планы осаждающих обитель и стал одним из примеров благочестия и праведности, «сражаясь за христиан против литовцев и русских изменников». При этом в тексте не упоминается о принятии им православного крещения. См.: *Сказание Авраамия Палицына*. Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной, Е. В. Колосовой. Под ред. Л. В. Черепнина. Москва – Ленинград, 1955. 172–175.

¹⁴⁹ *Новая повесть о преславном царстве Российском*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. Москва, 1987. 29.

¹⁵⁰ Иван Тимофеева пишет, что Лжедмитрий после отречения от монашества был «изгнан Богом в землю латинскую», из чего можно сделать вывод, что она, в понимании книжника, представляет собой гиблое место, где живут и куда отправляются негодные Богу люди, отвергнувшие христианское учение. См.: *Временник Ивана Тимофеева*. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Москва – Ленинград, 1951. 255.

Для авторов XVII в. Смута представляет собой переломный момент не только в истории России, но и, возможно, в истории всего христианства (что, опять же, связано с проблематикой сохранения истинного христианского учения). Будучи свидетелями целой череды социально-политических и духовных потрясений, следствием которых в конечном итоге стал раскол московского общества, авторы обращаются к прошлому, видя в нем утраченный идеал гармоничного и праведного государства с мудрыми и благочестивыми законными правителями во главе.

Автор «Плача о пленении и конечном разорении», скорбящий о «падении превеликой России» («столпа благочестия», «богонасаженного виноградника»), эмоционально и красочно изображает былое величие России, ее богатство, благочестие, могущество, наводящее страх на другие народы, и славу, признаваемую далеко за пределами Русского государства.¹⁵¹ В рассказе о долгом пути Руси к христианской вере подчеркивает особую праведность Русской земли и Иван Хворостинин. В отличие от других стран, где были как грешники, так и праведники, на Руси народ издревле оставался единым в православной вере и превосходил всех в своем благочестии.¹⁵² Иван Тимофеев в своем «Временнике» апеллирует к прошлому в контексте рассуждений о причинах, вызвавших Смуту в Московской Руси. По мысли книжника, существовавший некогда порядок вещей, основанный на богобоязненности, кротости и смирении перед вышестоящими авторитетами (правителем, господином, родителями), был угоден Богу, свидетельством чего служило благоденствие всей Русской земли. Однако

---

¹⁵¹ «Всем людям, угодным Христу, известна высота и слава Великой России, каким образом возвысилась и сколь страшна была басурманам, германцам и прочим народам... Пресветлым и предивным этим государством владели преславные великие цари, гордились им родовитые князья, и во всем, дерзновенно сказать, таким совершенным устроением оно отличалось, и светом, и славою всех превзошло, как невеста жениху на прекрасный брак уготованная!» См.: *Плач о пленении и конечном разорении*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 131.

¹⁵² «И как прежде нечестием превзошла всех Русская земля, так теперь в благочестии всех оставила позади. В других странах хотя и много было благочестивых и праведных, но много было и нечестивых и неверных, которые вместе с ними жили и еретически мыслили. А в Русской земле не только многие деревни и села просвещены, но и города многие – все единого пастыря Христа единомушнные овцы, все единомыслящие и все славят святую Троицу.» См.: *Словеса дней, и царей, и святителей московских*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 433.

в определенный исторический момент¹⁵³ властители начали менять древние обычаи, что в конечном итоге привело к утрате «прежней крепости», страха перед Богом и Страшным судом, уважения к общественной иерархии и власти.¹⁵⁴ В целом, во многих текстах о Смуте прослеживается имплицитное стремление к реставрации старого благословленного Богом порядка вещей, нарушение которого привело к столь тяжелым для государства потрясениям.

Второй мотив в утверждении богоизбранности Руси находит свое отражение в стойком убеждении авторов в том, что Бог, справедливо карающий русский народ за его прегрешения, при определенных условиях, проявит милосердие и сменит свой гнев на милость. Под необходимыми условиями авторы понимают, прежде всего, покаяние, молитву и смирение. Иван Хворостинин высказывает убеждение о том, что никаких благ нельзя достичь без молитвы и смирения и экстраполирует мотивы покаяния из библейского сюжета об Адаме и Еве на современную ему историческую ситуацию. «Что делаете, окаянные? Принесите лишь покаяние, осознайте прегрешения ваши, покройте наготу свою! Но ни один не сделал этого, но ни у кого не оказалось хотя бы немного смирения. И, увидев это, господь решил судьбу вашу: в какие только беды он не вверг вас.»¹⁵⁵

Следует отметить, однако, что не во всех текстах покаянное смирение рассматривается как достаточное оружие в противодействии хаосу Смуты. Так в «Новой повести» призыв к вооруженному восстанию и активной борьбе против захватчиков становится одним из лейтмотивов всего текста.¹⁵⁶ «Мужайтесь и вооружайтесь и совет меж собой держите, как бы нас от врагов своих освободить! Время, время пришло!»¹⁵⁷ Несмотря на то, что автор ни на минуту не забывает о Божьем промысле, он все же

¹⁵³ По мнению О. А. Державиной, Иван Тимофеев имеет в виду 7000 год от сотворения мира, т.е. 1492 от Рождества Христова, приходящийся на период правления Ивана III Васильевича (1462–1505 гг.). См.: *Временник Ивана Тимофеева*. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Москва – Ленинград, 1951. 493.

¹⁵⁴ Там же. 283–285.

¹⁵⁵ *Словеса дней, и царей, и святителей московских*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. Москва, 1987. 431.

¹⁵⁶ В значительной мере это объясняется жанровой спецификой данного памятника и его прагматическими задачами, о которых подробнее говорилось выше (см. выше: Краткий обзор источников).

¹⁵⁷ *Новая повесть о преславном царстве Российском*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. Москва, 1987. 47.

настаивает на необходимости активного сопротивления, призывая соотечественников «подпоясаться оружием телесным и духовным». Символами духовной и вооруженной борьбы в «Новой повести» выступают образы патриарха Гермогена, «столпа благочестия», вооруженного силой слова, и осажденного города-воина Смоленска, защитники которого являют собой пример воинской доблести и славы. Примечательно, что автор, призывая соотечественников взяться за оружие, уповает на помощь небесных сил, т.к. борьба с иноземными захватчиками, покушающимися на истинную веру, – правое дело. «Станем храбро за православную веру и за все Великое государство, за православное христианство [...] Сами вы знаете, что если не теперь умрем, то все равно умрем. Да пусть же за правоту нашу сохранит нас Господь невредимыми и не погибнем от врагов своих!»¹⁵⁸

Несмотря на суровость посылаемых на Русь наказаний, Бог по-прежнему не оставляет ее и в самые критические моменты не допускает окончательного истребления православного христианства. Так, например, Господь не позволил Лжедмитрию I слишком долго осквернять царский престол,¹⁵⁹ «гнев свой от православных христиан отвратил, и святых Божиих церквей и православной христианской веры до конца в разорение [...] не дал».¹⁶⁰

Еще одним аргументом в пользу особого положения Руси служат примеры прямого вмешательства небесных сил в происходящее на земле, в результате чего победа оказывается на стороне православного войска. Такими примерами изобилует «История» Авраамия Палицына в части, повествующей об осаде Троице-Сергиева монастыря. Преподобный Сергей является во сне пономарю Илинарху и предупреждает о готовящемся приступе,¹⁶¹ затем он является архимандриту Иоасафу, призывает его к молитве и сообщает о том, что Господь помиловал защитников монастыря и «дарует им

---

¹⁵⁸ Там же. 47.

¹⁵⁹ «[...] царствующий над всеми не допустил ему целый год осквернять престол благочестивых, и величие гнева Божия прежде вечного суда не стерпело множества его нечестия...» См.: *Временник Ивана Тимофеева*. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Москва – Ленинград, 1951. 261.

¹⁶⁰ *Иное Сказание*. In: РИБ. Том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891. 74–75.

¹⁶¹ *Сказание Авраамия Палицына*. Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной, Е. В. Колосовой. Под ред. Л. В. Черепнина. Москва – Ленинград, 1955. 142–143.

еще время».¹⁶² Тому же архимандриту Иоасафу привиделся архангел Михаил, обращающийся к противникам с пророческими словами: «О враги лютеране! Вот, беззаконники, ваша дерзость дошла и до моего образа. Всесильный Бог вскоре воздаст вам отмщение.»¹⁶³ Примеров, подобных этим, можно привести более чем достаточно. В понимании современников, чудесные видения и знамения служат убедительным доказательством того, что небесные силы благоволят православной Руси.

2.3 Религиозное противостояние

Смута создала ряд исторических условий, в которых идея богоизбранности Руси получила свое реальное воплощение в противостоянии с «еретиками», переросшем в открытый вооруженный конфликт. Столкновение с католическим Западом трактуется авторами-современниками с позиций священной войны между добром и злом, Богом и дьяволом. В понимании книжников мир, фактически, распадается на два противостоящих друг другу начала, столкнувшихся в решающей схватке на территории Московского царства в Смутное время. Иноверцы воплощают в себе силы тьмы, противостоит которым свет православия. Подобное дуалистическое деление мира неизбежно находит свое отражение на страницах памятников¹⁶⁴ и в значительной степени способствует успешному формированию отрицательного образа чужеземцев, которые, в представлении книжников XVII в., давно вынашивали планы по уничтожению православной веры и Московского государства, подтверждением чего служит реальная военная агрессия против Московского государства и попытки повлиять на его внутреннюю политику.

Задача создания негативного образа иноземных захватчиков в текстах может решаться различными способами. Одним из наиболее очевидных из них с точки зрения

---

¹⁶² «И обратился святой к архимандриту и сказал ему так: 'Брат, встань, — это время пения и час молитвы; «бдите и молитесь, да не войдете в напасть». Господь Всесильный по многой своей щедрости помиловал вас и подаст вам еще время, да в покаянии поживете.'» Там же. 147.

¹⁶³ Там же. 151.

¹⁶⁴ Эксплицитное выражение данного мотива встречается, например, в тексте «Плача»: «Король же польский и паны — рада его, и кардиналы, и архиепископы их, и епископы много радовались о том, что меч поднялся на кровь христианскую, поскольку нет никогда ничего общего ни у тьмы со светом, ни у Велиара с Христом.» См.: *Плач о пленении и конечном разорении*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 137.

вышеуказанной дихотомии Бога и дьявола, является последовательная демонизация поляков и литовцев. Данная тенденция четко прослеживается уже на уровне используемых авторами номинаций, эпитетов и сравнений: «окаянные безбожники», «бесовское воинство», «душепагубное и бесовское сонмище», «ненасытный кровопийца», «враги креста Христова»,¹⁶⁵ «скопище сатанинское», «беззаконные», «мерзкие», «гнусные богоотступники», «богоборцы», «мерзость запустения»¹⁶⁶ и т.д. Неоднократно авторы используют библейские метафоры, в частности метафору о волках, пастыре и овцах: «[...] изымет нас из-под власти врагов наших, как агнцев из уст волчьих», «[...] он, как добрый пастырь, всех нас спасает от душепагубных, человекоядных волков»,¹⁶⁷ обращаются к звериным образам, традиционным связанным с изображением человеческих страстей («лютые львы», «злые волки», «псы», «прегордые змеи», «ехидны»).

Помимо этого, поляки и литовцы наделяются целым рядом качеств, которые в обывательском сознании вызывают устойчивые ассоциации с дьявольскими силами (вероломство, коварство, лицемерие, искусительство, соблазн, дерзость, лесть и др.)¹⁶⁸ Неотъемлемыми чертами поляков являются чрезмерная гордыня и лукавство. К греху гордыни у книжников Древней Руси отношение, вообще, особое. В их интерпретации именно гордыня зачастую становится грехом, лежащим в основе духовного разложения человека, а в большинстве случаев и его физической гибели. Так неумная гордыня стала фатальной для Бориса Годунова, «преисполнившегося гордостью» после своего восшествия на престол и возомнившего, что «премудростью своей превзошел бывших всероссийских деспотов».¹⁶⁹ Аналогичным образом плохую службу сослужила она и

¹⁶⁵ *Новая повесть о преславном царстве Российском*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 24–58.

¹⁶⁶ *Сказание Авраамия Палицына*. Подготовка текста и комментарии О. А. ДЕРЖАВИНОЙ, Е. В. КОЛОСОВОЙ. Под ред. Л. В. ЧЕРЕПНИНА. Москва – Ленинград, 1955. 96–249.

¹⁶⁷ *Новая повесть о преславном царстве Российском*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 24, 49.

¹⁶⁸ «А тот последователь антихриста, что назвался царем Димитрием, по лукавому совету треклятого воинства литовского начал многие местности всеядным огнем истреблять и насилие великое творить царствующему граду.» См.: *Плач о пленении и конечном разорении Московского государства*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 141.

¹⁶⁹ *Временник Ивана Тимофеева*. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. ДЕРЖАВИНОЙ. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ. 232–233.

самозванцу, который, по словам Ивана Хворостинина, «в мыслях и делах своих весьма вознесся, и самодержавие выше человеческих законов поставил, и кровь проливал, и осквернялся в грязных делах своих».¹⁷⁰ Автор «Плача о пленении и конечном разорении» наравне с неправдами, лукавством и корыстью в числе первых грехов, за которые наказан русский народ, также называет гордыню.¹⁷¹

В грехе гордыни повинны и поляки с литовцами, характеру которых эта черта неизменно присуща. Однако авторы не склонны искать какие-то конкретные ее проявления в действиях или замыслах неприятелей и ограничиваются простой констатацией данного факта.¹⁷² Совсем иначе в памятниках о Смуте освещается их лукавство. Тексты изобилуют наглядными примерами проявлений таких качеств как вероломство, коварство и лезть. В «Истории» Авраамия Палицына одним из наиболее ярких подобных эпизодов является рассказ о коварной попытке поляков во главе с гетманом Петром Сапегой и Александром Лисовским обманом завладеть Троице-Сергиевым монастырем. Они пишут льстивое письмо защитникам монастыря, призывая их сдаться и обещая взамен «милость и ласку государя царя Дмитрия».¹⁷³ Палицын отмечает, что подобное вероломство для поляков дело совершенно обычное, так они поступали уже неоднократно («змеиной ложью обманув, они многие города погубили»¹⁷⁴), и лишь в случае Троице-Сергиевой обители, благодаря заступничеству небесных сил, их коварный план не сработал.

¹⁷⁰ *Словеса дней, и царей, и святителей московских.* In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 443.

¹⁷¹ «О, как о том помыслить и как заговорить о том, что у нас содеялось и ныне совершается промыслом Божиим за неправды, и за гордыню, и за вымогательство, и за коварство, и за прочие злые дела...» См.: *Плач о пленении и конечном разорении.* In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 135.

¹⁷² «Да знает ваше темное господство, гордые начальники Сапега и Лисовский и прочая ваша дружина, что напрасно нас, Христово стадо православных христиан, прельщаете вы, богоборцы, мерзость запустения.» См.: *Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря.* In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 179.

¹⁷³ «Помилуйте сами себя: покоритесь великому имени, государю нашему и вашему. И если сделаете так, будет милость и ласка к вам государя царя Дмитрия, какими ни один великий из вас у вашего царя Василия Шуйского не пожалован.» Там же. 177.

¹⁷⁴ Там же. 255.

В «Новой повести» в качестве одного из примеров польского коварства приводится ситуация с присягой королевичу Владиславу и договором о его восшествии на московский престол.¹⁷⁵ Для обсуждения условий договора, основным из которых было принятие Владиславом православия, к польскому королю под Смоленск было направлено «великое посольство» во главе с митрополитом Филаретом и князем В. В. Голицыным. Миссия эта не увенчалась успехом, как принято считать, из-за притязаний на престол самого Сигизмунда.¹⁷⁶ Изначально автор «Новой повести» видит в позиции польской стороны только «лживый обман и хитрость», уличая Сигизмунда в тайном намерении «государство наше похитить и веру христианскую искоренить, а свою богомерзкую учинить».¹⁷⁷ Переговорная позиция русской стороны, при этом, отличается благородством, миролюбивостью, открытостью и готовностью договариваться даже с «врагом-королем», лишь бы положить конец кровопролитию. Автор «Новой повести» противопоставляет величие русского престола и «нечестивое происхождение» польских королей, которому посвящена выразительная метафора о «гнилом и нетвердом корне», на который не светит даже «праведное солнце».¹⁷⁸ По мысли автора, восшествие на российский престол для Владислава будет означать не только великую честь, но и станет

¹⁷⁵ Интересно, что в «Ином сказании», в целом более умеренном в описании иноземцев, этот исторический эпизод является едва ли не единственным фрагментом, где поляки прямо характеризуются как «древняя же лжи проказивые, злохитрые льстецы», которые под видом мирных переговоров скрывали планы по разорению Русского государства. См.: *Иное сказание*. In: РИБ. Том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891. 123.

¹⁷⁶ См. подробнее: ПЛАТОНОВ, С. Ф. *Лекции по русской истории профессора С. Ф. Платонова*. Санкт-Петербург, 1909. 264.

¹⁷⁷ «[...] с давних лет на наше Великое государство все они, окаянные и безбожные, и те, что прежде того были, его же братья, той же их проклятой земли и веры, помышляют, как бы им Великое государство наше похитить и веру христианскую искоренить, а свою богомерзкую учинить.» См.: *Новая повесть о преславном царстве Российском*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 29.

¹⁷⁸ «[...] под тот град Смоленск, к тому супостату нашему и врагу-королю, на добрейшее дело, для мирного совещания и наилучшего договора о том, чтобы от корня того гнилого и нетвердого, горького и кривого дерева, в тени растущего (на него же, полагаю, и праведное солнце едва ли сияет, и совершенной благодати от него не бывает, а если же по устройению своему оно изредка на него и взирает, то все же искоренение его ожидает), ветвь, избираемую нами только ради величия рода, от него отделить, и водою и Духом ее достойно освятить, и, Вышнего велением, на высоком и преславном месте посадить, что своим превосходством превыше и славнее всех мест во всей поднебесной...» Там же. 29.

залогом его духовного перерождения и спасения от тьмы неведения. Однако реализации договора препятствует Сигизмунд, дожидаясь удобного момента, когда текущая ситуация позволит ему самому беспрепятственно овладеть всей Россией и «учинить в ней свою волю и веру».¹⁷⁹

В «Плаче о пленении и конечном разорении» прямая характеристика поляков, вполне соответствующая духу священного противоборства добра и зла, содержится в обращении патриарха Гермогена к пастве: «Чада паствы моей, прислушайтесь к словам моим! Зачем понапрасну впадаете в смятение и вверяете свои души неверным полякам? Возможно ли для вас, разумных овец, приобщение к злохищным волкам: вы кротки во имя Христа, эти же дерзостны во имя сатаны. Сами ведь знаете, что издавна православная наша христианская вера греческого закона ненавистна иноплеменным странам!»¹⁸⁰

О принадлежности поляков к «миру зла» красноречиво свидетельствуют их богопротивные дела, и прежде всего, осквернение православных святынь и церквей. С горечью и прискорбием описывает Авраамий Палицын разоренные поляками храмы Кремля, поруганные святыни, иссеченные иконы с выколотыми глазами.¹⁸¹ Достаточно подробное и эмоциональное описание бесчинств иноверцев приводится в «Плаче о пленении и конечном разорении»: «[...] король литовский и послал бесояростное свое воинство. И многие города и села разорил, и святыи великие лавры разрушил, и нетленные после успения почитаемые тела святых из благоговейно устроенных гробниц изверг и последнему поруганию предал.» Автор негодует по поводу разграбления церквей и казны, надругательства над иконами и святынями, примером чего служат бесчинства поляков, устроивших стойла для лошадей на месте раки Василия Блаженного

---

¹⁷⁹ «[...] а ему бы своих подданных, таких же безбожников, в Великом государстве нашем насадить, и всем бы царством, что еще вживе останется, им править и ведать поручить, и дани-оброки всякие тяжкие взимать, а к нему бы, врагу, как бесам – к сатане, жертвы приносить.» См.: *Новая повесть о преславном царстве Российском*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 41.

¹⁸⁰ *Плач о пленении и конечном разорении*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 143.

¹⁸¹ *Сказание Авраамия Палицына*. Подготовка текста и комментарии О. А. ДЕРЖАВИНОЙ, Е. В. КОЛОСОВОЙ. Под ред. Л. В. ЧЕРЕПНИНА. Москва – Ленинград, 1955. 229.

и надругавшихся над его мощами.¹⁸² Религиозные реминисценции о святотатстве поляков дополняются информацией об их преступлениях в отношении простых людей: многочисленных убийствах, избиениях, грабежах, поджогах, насилии.

О притеснениях простого народа со стороны иноземных войск говорится и в «Новой повести». Несмотря на то, что в данном описании также упоминается о жестокости поляков в отношении местного населения, в целом, оно значительно менее драматично и сосредоточено скорее на утилитарных неудобствах, связанных с пребыванием иноземцев в Москве, и их издевательствах над православными христианами. «Беспреданно многим смертоносное посещение, а иным тяжкое ранение, иным ограбление, а женам бесчестие и насилие. И покупают не по цене и отнимают насильно; притом не по цене оценивают и не серебром платят, а стоят с мечом над головой всякого торгующего православного христианина и смертью грозят. Наш же брат, православный христианин, видя свое осиротение и беззащитность, а их, врагов, полное одоление, не смеет иной и рта раскрыть, боясь убитым быть, даром от имущества своего отступается и только слезами обливается.»¹⁸³

2.4 «Польские и литовские люди и русские изменники»

Говоря об образе иноземцев в рассматриваемых текстах, сложно обойти стороной довольно любопытный момент: значительно бóльшую неприязнь, чем «латинские еретики», вызывают у авторов их современники, добровольно примкнувшие к польско-литовским войскам, Лжедмитрию, Ивану Болотникову и т.д. Согласно интерпретации книжников, эти люди, как и иноземцы, преступили закон Божий и принадлежат к миру зла. Именно поэтому, как нам кажется, для описания «русских изменников» авторы используют тот же лексико-семантический и стилистический аппарат, что и для описания иноверцев. В данном отношении показателен приведенный в «Ином сказании» рассказ о движении Ивана Болотникова. Достаточным основанием для зачисления

---

¹⁸² «И гробницу блаженного и исцеления приносящего тела великого Василия, Христа ради юродивого, рассекли на многие части; и ложе, что было под гробницей, с места сдвинули; а на том месте, где лежит блаженное его тело, для коней стойла устроили и, похотев обличьем на женщин, бесстыдно и бесстрашно в церкви этого святого блудную мерзость творят.» См.: *Плач о пленении и конечном разорении*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 143.

¹⁸³ *Новая повесть о преславном царстве Российском*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 49.

участников восстания в ряды вероотступников, по мысли автора, служит тот факт, что Болотников выступил против царя Василия Шуйского, апологетика законности власти которого четко прослеживается в первой части «Иного сказания». Примечательно, что для изображения повстанцев в «Ином сказании» используются те же приемы и лексические средства, что и в описании поляков («окаянные», «боготступники», «кровоядцы», «отметники православныя христианския веры», «волки, расхищающие Христово стадо», «ревущие львы», «неутолимые ехидны» и др). Более того, будучи не менее лукавыми и коварными, они используют те же, что и поляки, уловки, дабы одерживать победы хитростью и обманом: при попытке взять Симонов монастырь, служивший важным опорным пунктом для войск Василия Шуйского, «прельщают ласканием»¹⁸⁴ его защитников, убеждая их добровольно сдаться.¹⁸⁵

Перешедшие на сторону интервентов русские значительно хуже самих еретиков, т.к., по мысли авторов, добровольно совершают двойное предательство, выступая против веры и государства. Помощь «русских изменников»¹⁸⁶ стала одним из залогов достижения иноземцами значительных военных и политических успехов. Иван Тимофеев обвиняет «наших изменников» в добровольном богоотступничестве и предательстве веры Христовой ради соединения с неверными, которые благодаря этому одолевают Московское царство и причиняют ему небывалые бедствия.¹⁸⁷

Согласно Тимофееву, именно «предательство наших» стало необходимым условием побед, одержанных неприятелем. В числе отступников Тимофеев называет не только простых людей, но и многочисленных вельмож и даже приближенных царя, прельстившихся на обман иноверцев и стремящихся получить тленные мирские блага и славу.¹⁸⁸ В описаниях автора жестокость и озлобленность русских изменников, не

¹⁸⁴ *Иное сказание*. In: РИБ. Том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891. 97–100.

¹⁸⁵ Данный сюжет совпадает с действиями поляков при осаде Троице-Сергиева монастыря, описанной у Палицына (см. выше).

¹⁸⁶ О значении, придаваемом участию «изменников» в событиях Смуты, косвенно свидетельствуют используемые авторами номинации. Так в «Истории» Авраамия Палицына регулярный характер носит номинация «польские и литовские люди и русские изменники», «поляки и русские изменники», «литовские люди и русские изменники».

¹⁸⁷ *Временник Ивана Тимофеева*. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Москва – Ленинград, 1951. 252.

¹⁸⁸ Там же. 298.

считающихся ни с родством, ни с милосердием, ни с верой, вызывает изумление даже у еретиков-иноземцев,¹⁸⁹ считающих их «более жестокими, чем плотоядные звери».¹⁹⁰

Характеристику отношения книжников¹⁹¹ к иноплеменникам и «русским изменникам» может дополнить еще одно интересное наблюдение. Иноземцы и «русские изменники» представляют собой настолько опасную силу, что авторы допускают возможность участия в боевых столкновениях священнослужителей. Так Палицын с одобрением отзывается о «монастырских старцах», которые ходили сражаться с осаждающими Троице-Сергиев монастырь. Данное одобрение кажется несколько не уместным из уст православного духовного лица,¹⁹² т.к. в православных полемических текстах латиняне порицались за то, что позволяли священнослужителям ходить на войну и осквернять свои руки кровью.¹⁹³ Этот же мотив присутствует и в «Ином сказании» в описании штурма войсками Ивана Болотникова Симонова монастыря, монахи которого сражаются до смерти не только за веру, но и за царя.¹⁹⁴

---

¹⁸⁹ Там же. 299.

¹⁹⁰ Там же. 300.

¹⁹¹ Речь, в частности, идет об Авраамии Палицыне и анонимном авторе «Иного сказания».

¹⁹² Ср.: опровергая обвинения в адрес патриарха Гермогена о том, что он якобы призывал паству к вооруженной борьбе, Иван Хворостинин приводит слова самого патриарха: «Облачитесь в оружие божье, в пост и в молитвы.... Вот оружие православия, вот противоборство за веру, вот предписание устава!» См.: *Словеса дней, и царей, и святителей московских*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 455. Аналогичным образом автор «Новой повести», обращаясь к своим соотечественникам, отмечает, что не стоит ждать от Гермогена прямого призыва взяться за оружие, ибо не его это дело – «повелевать кровь проливать». См.: *Новая повесть о преславном царстве Российском*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 42.

¹⁹³ См. подробнее: Флоря, Б. Н. *К изучению образа поляка в памятниках Смутного времени*. In: Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. Ред.: И. Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М. В. ЛЕСКИНЕН, В. А. ХОРЕВ. Москва, 2002. 29.

¹⁹⁴ «Иноцы... ставше крѣпко по православної вѣрѣ христіанской и по благовѣрномъ царѣ и великомъ князѣ Василии Ивановичѣ всеа Русіи крѣпко стояти и битися съ ними до смерти...» См.: *Иное сказание*. In: РИБ. Том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891. 100.

2.5 «Сын тьмы, сродник погибели»

Ключевым «русским изменником» в текстах о Смуте является Лжедмитрий I, образ которого имеет сильную эсхатологическую коннотацию и сопряжен с представлениями об антихристе.¹⁹⁵ Общее отношение московских авторов к Лжедмитрию I хорошо иллюстрируют слова «Плача»: «Явился предтеча богоборного Антихриста, сын тьмы, родич погибели, из чина иноческого и дьяконского и вначале светлый ангельский чин отринул и отторгнул себя от участи христианской, как Иуда из пречистого сонма апостольского...».¹⁹⁶ Образ Самозванца в московских текстах систематически реализуется в крайне негативных тонах. Примечательно, что основная претензия авторов к Отрепьеву заключается не столько в его незаконном восшествии на престол или сотрудничестве с поляками, сколько в том, что он добровольно отказался от священного иноческого сана и обратился к «латинской ереси», изменив тем самым православной вере и предав истинное учение Христово. Отсюда и наиболее частотные номинации, употребляемые авторами в отношении самозванца: «расстрига», «отступник», «законопреступник», «еретик».¹⁹⁷ Очень отрицательно авторы относятся и к тому, что Лжедмитрий дерзнул назваться именем невинно убиенного царевича, пытаясь тем самым приблизить себя Богу.¹⁹⁸ Будучи порождением дьявола, он всегда действует по его наущению, «умудряем и научаем самим сатаною». Сначала дьявол прельстил самозванца отпасть от монашества, потом вложил в его голову мысль о царском престоле, помог обмануть вельмож и простых людей. Авторы отмечают, что даже по отношению к своим будущим союзникам полякам Лжедмитрий действовал путем обмана и лукавства.¹⁹⁹

¹⁹⁵ «[...] восстал из своего логовища лютый молодой лев, подлинно враг, не столько человек – наделенное даром слова существо, сколько воплотившийся антихрист...» См.: *Временник Ивана Тимофеева*. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Москва – Ленинград, 1951. 253.

¹⁹⁶ *Плач о пленении и конечном разорении*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Москва, 1987. 135.

¹⁹⁷ Имя «Лжедмитрий» принято в историографии, в рассматриваемых нами памятниках оно не встречается.

¹⁹⁸ *Временник Ивана Тимофеева*. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Москва – Ленинград, 1951. 83.

¹⁹⁹ «И таковымъ вражимъ умысломъ и лестію, ... не токмо прелстилъ великія Росія боляръ и всѣхъ людей, но и Литовскія земли короля и со всѣми паны и предстоящими ему.» См.: *Иное сказание*. In: РИБ. Том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891. 49–50.

Заполучив московский трон, Лжедмитрий жил недостойной праведного государя жизнью: «Воздвигая хоромы для утех своей юношеской жизни, устраивая торжества со смехотворными личинами, распалаясь гневом и немилосердно губя благородных людей — всеми этими деяниями он сущность свою проявил, не подобающие правителю дела совершая.»²⁰⁰ Иван Тимофеев отзывается о нем, как о развращенном человеке, прожившем свою жизнь в грехе, «[...] во всяком блуде и беззаконии, как раб, и уподобляясь во всем скоту».²⁰¹ В вину Лжедмитрию вменяется стремление «[...] до основания христианское государство разорити и стадо Христовыхъ овецъ въ конечную гибель привести». В «Ином сказании» и «Истории» авторы упоминают о его сношениях с Папой Римским и обещании ввести на Русь католицизм.²⁰²

История первого самозванца в интерпретации московских книжников хорошо иллюстрирует все аспекты концепции провиденциализма. Лжедмитрий был послан на Русь как справедливая Божья кара за грехи Бориса Годунова²⁰³ («Иное сказание», «Словеса дней и царей», «История») и всего народа, который грешил сам и молчаливо соглашался с беззакониями правителей («Временник»).²⁰⁴ Божьим попущением Лжедмитрию удалось привлечь на свою сторону множество сторонников и в конечном итоге сесть на трон.²⁰⁵ Однако Господь, в конце концов, сменил гнев на милость и покарал страшной смертью уже самого Лжедмитрия. Вся его история должна служить

²⁰⁰ *Словеса дней, и царей, и святителей московских.* Изд.: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 441.

²⁰¹ *Временник Ивана Тимофеева.* Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. ДЕРЖАВИНОЙ. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ. Москва – Ленинград, 1951. 260.

²⁰² Отметим, что, по утверждению автора «Иного сказания», Папа Римский в наставлениях Лжедмитрию говорил, что приводить московских людей к латинской вере можно и должно не только «любовью и волей», но и «неволей и жесткостью», а тех, кто будет особо упорствовать, следует убивать. См.: *Иное сказание.* Изд.: РИБ. Том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891. 94.

²⁰³ Там же. 15–16.

²⁰⁴ «[...] за какие грехи, не бессловесного ли ради молчания наказана наша земля [...] ибо согрешили все, от головы и до ног.» См.: *Временник Ивана Тимофеева.* Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. ДЕРЖАВИНОЙ. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ. Москва – Ленинград, 1951. 263.

²⁰⁵ «И восстал вероотступник и привлек сердца окружающих к себе, прельстил души неразумных, а благочестивых страхом смирил.» См.: *Словеса дней, и царей, и святителей московских.* Изд.: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 437.

поучением и предупреждением всем, кто осмелится противостоять Божьему замыслу и свернет с праведного пути. Очень лирично завершает рассказ о Лжедмитрии I автор «Иного сказания»: «Се днесь зрите, любимицы мои, какова кончина творящимъ неправедная беззаконія: в ню же мѣру мѣрятъ, возмѣрится имъ, и кую чашу прочимъ наполняютъ и сами ту же испиваютъ.»²⁰⁶

2.6 Об образах некоторых исторических личностей

Для формирования представлений об иноземцах в текстах о Смутном времени большое значение имеют образы конкретных исторических личностей (причем, как мы попытались показать на примере Лжедмитрия I, не только самих иноземцев). Приведем несколько примеров, где негативный образ иноземцев невыгодно оттеняется контрастом с их русскими антиподами.

В «Новой повести» в данном отношении интересен образ короля Сигизмунда, который представлен лукавым и лживым захватчиком, стремящемся любой ценой уничтожить в Московской Руси православие и утвердить вместо него католическую веру. Описание польского короля в «Новой повести» содержит в себе аспекты, для московской письменности не вполне типичные. Не ограничиваясь рассказом о делах Сигизмунда, автор предпринимает попытку описать его мысли, чувства и эмоции, проникнуть в замыслы короля и раскрыть его планы.²⁰⁷ Акцентируя внимание на коварстве и лицемерии поляков, автор останавливается на преемственности их политических устремлений по захвату Московского православного царства,²⁰⁸ и отмечает, что время для реализации этих планов настало именно при Сигизмунде. С некоторыми оговорками этот пассаж можно рассматривать как признание силы и могущества польского короля, представляющего собой грозного противника

²⁰⁶ *Иное сказание*. In: РИБ. Том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891. 50.

²⁰⁷ Еще раз отметим, что жанрово и стилистически «Новая повесть» стоит особняком не только среди анализируемых нами текстов, но и среди памятников о Смутном времени в целом.

²⁰⁸ «[...] все они, окаянные и безбожные, и те, что прежде того были, его же братья, той же их проклятой земли и веры, помышляют, как бы им Великое государство наше похитить и веру христианскую искоренить, а свою богомерзкую учинить. Но тогда еще не приспело им время, пока не дошло до нынешнего нашего супостата-врага, короля» См.: *Новая повесть о преславном царстве Российском*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 42.

православия. Как непосредственный начальник «бесовского воинства» Сигизмунд воплощает в себе дьявольские соблазны и искушения, лживый обман и хитрость. «Да и сам тот злодей наш, сыновий отец [Сигизмунд], тоже прельщает и манит, подобно сатане, наваждения творит и, словно бесов, с известиями присылает...»²⁰⁹

Антиподами польского короля в «Новой повести» выступают патриарх Гермоген и осажденный Смоленск, вместе олицетворяющие собой единство духовного и воинского мужества в борьбе с иностранным вторжением, угрожающим не только целостности государства, но и святой православной вере. Дихотомия данных образов хорошо иллюстрируется на примере развернутого метафорического описания осады Смоленска, противостоящего польско-литовским войскам, в котором город сравнивается с отважным воином, сдерживающим беснующегося, рвущегося к кобылице жеребца (под кобылицей, очевидно, понимается Москва).²¹⁰

Подобные антиподы «света» и «тьмы» присутствуют и в историко-публицистических сочинениях, созданных после завершения Смуты. Так во «Временнике» Ивана Тимофеева привлекает внимание столкновение женских образов Ксении Годуновой и Марины Мнишек.²¹¹ Образ Ксении представляет интерес, помимо прочего, и с точки зрения авторского отношения к Борису Годунову. Несмотря на то что, Тимофеев не дает прямых характеристик царевны, в описаниях произошедшего с ней после смерти Бориса Годунова и прихода в Москву Лжедмитрия ясно сквозит сочувствие и сострадание. Тимофеев называет ее дочерью царя, которая за грехи родителей по воле Всевышнего должна была претерпеть многочисленные бесчестья от отступников. Автор рассказывает о благочестивом воспитании Ксении как царевны, не знавшей, что такое плотский грех, и не слышавшей дурного слова. При этом, акцент делается именно на ее царское происхождение, которое, по мысли Тимофеева, само по себе уже предполагает

²⁰⁹ Там же. 39.

²¹⁰ «И, как бесстрашный воин, сдерживает он уздой челюсти дикого, свирепого, неукротимого жеребца, трубящего на кобылицу мула, и все тело его к себе обращает, и воли ему не дает, а ежели даст, то и сам от него погибнет, занесен будет в бездонную пропасть и разобьется. Также и тот великий град, своими подвигами великий, помыслы того супостата нашего и похитителя веры нашей православной, с ревом рвущегося на Великое наше государство и на всех нас, укрощает и к нам ему идти возбраняет...» Там же. 35.

²¹¹ С уверенностью говорить о преднамеренности последовательного описания данных исторических персонажей, конечно, достаточно проблематично, однако так или иначе их контрастность хорошо иллюстрирует рассматриваемую нами дихотомию добра и зла в текстах о Смуте.

благочестивый нрав.²¹² Непосредственно после описания кроткой и скромной московской царевны, безропотно сносящей поругание, посланное ей свыше за грехи ее предков, Тимофеев приводит мрачный образ Марины Мнишек, невесты Лжедмитрия I, прибывшей в Москву для венчания со своим женихом. Коварная, честолюбивая, распутная, лицемерная Марина олицетворяет у Тимофеева порочность вавилонской блудницы из откровений Иоанна Богослова. Этот эсхатологический мотив дополняется обвинением Марины в том, что она «в крови потопила всю Россию, весь мир наш» и вместе с Лжедмитрием осквернила святой царский престол.²¹³

2.7 Некоторые положительные замечания об иноземцах

Несмотря на общее негативное восприятие иноземцев, которое неизменно прослеживается во всех рассматриваемых сочинениях, приходится признать, что проблему изображения иностранцев достаточно сложно назвать одним из доминирующих мотивов памятников о Смуте. С гораздо большей вероятностью его функция может сводиться к сопутствующему иллюстративному материалу, сквозь призму которого преломляются основные темы, волнующие авторов (кризис, его причины, пути выхода, духовность, греховность и т.д.). В целом, авторы не склонны обвинять в происходящем только иноземцев и видеть в событиях Смуты исключительно проявление их злой воли. Общий посыл заключается, скорее, в том, что иноземное вторжение стало одной из форм (едва ли не самой тяжелой) наказания, понесенного Русью за совершенные и совершаемые ее народом и правителями прегрешения.²¹⁴ Таким образом иноземцы, согласно представлению книжников, выступают как орудие Божьей кары и проводники воли Бога на земле, а не независимые вершители истории, что вполне

---

²¹² *Временник Ивана Тимофеева*. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Москва – Ленинград, 1951. 256.

²¹³ Там же. 257.

²¹⁴ Отметим, что подобная интерпретация относится не только к периоду Смутного времени. Автор «Летописной книги» трактует приход на Русь войск Стефана Батория (Ливонская война 1577–1582 гг.) как наказание за богопротивную политику Ивана Грозного. «И разгнѣвася нань Богъ, попусти а Російское государство кроля Полскаго, Стефанъ имя кму, прозванный Оботуръ...» См.: *Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского*. Изд.: РИБ. Том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891. 562.

укладывается в рамки традиционного провиденциализма, характерного для московской мысли.

Справедливости ради следует отметить, что далеко не всегда в памятниках о Смутном времени иноземцы предстают в одиозном образе богоотступников и душегубов. Во многих текстах без труда удается найти нейтральные и даже положительные замечания в их адрес. Так в «Словесах дней и царей» Иван Хворостинин, описывая череду событий, связанных с предложением трона королевичу Владиславу представителями русского посольства, осадой и взятием Смоленска, взятием поляками Москвы, выдерживает достаточно нейтральный тон изложения, ограничиваясь сухой передачей фактов: называет Сигизмунда властителем польским, «который разорял города наши и истреблял плоды земли нашей, который стоял под городом нашим Смоленском, и стенобитные орудия к приступу города готовил, и вынашивал всякие мысли о разорении страны нашей, который победы одерживал.»²¹⁵ Вслед за своими предшественниками Хворостинин проводит мысль о том, что Смута есть ни что иное как заслуженная кара, исходящая от Бога и, по сути, не зависящая от злой воли других народов и их правителей.²¹⁶ Несмотря на то, что в «Словесах» Ивана Хворостинина применительно к иностранцам встречаются такие определения как «лживое еретическое сборище», «враги божьего креста», непосредственная роль поляков в событиях Смуты занимает автора намного меньше, чем действия Бориса Годунова, Лжедмитрия и Василия Шуйского.

При внимательном прочтении положительные характеристики поляков можно найти и в «Истории» Авраамия Палицына. Наиболее показательным нам кажется фрагмент описания поляков и «русских изменников» в Тушинском лагере. В отличие от русских, поляки отличались большим милосердием и чаще сохраняли жизнь пленникам, особенно если те проявили себя как отважные воины. Жестокость «русских изменников» в отношении своих соотечественников вызывала в поляках отвращение и ужас. По

---

²¹⁵ *Словеса дней, и царей, и святителей московских.* In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ, Москва, 1987. 457–459.

²¹⁶ «Поднялись против нас народы и осилили нас набегами отовсюду, и многой силой и свирепостью своей истребляя плоды земли нашей, и никто не додумался, как противостоять вражеской силе. [...] Согрешили мы перед ним [Богом], и нет нам оправдания, и пали мы под мечом наших собственных пороков, за грехи наши он погубил нас, умирающих в разных мучениях. Долгое время продолжались несчастья наши, поляки и литовцы, немцы и агаряне, которые вокруг нас живут, притесняли нас.» Там же. 451.

словам Палицына, «разумные» поляки содрогались при мысли о том, что русские могут причинить им, если так жестоки к своим соотечественникам.²¹⁷

Следующий пример благосклонного отношения к иноземцам приведем из «Летописной книги». Автора сочинения совсем не смущает тот факт, что царевна Ксения была просватана за датского принца. Несмотря на то, что жених не исповедует православие, автор ни в коей мере не зачисляет его в ряды «богомерзких еретиков», а как раз напротив, отзывается о нем как о достойном юноше благородного происхождения: «сынъ великого короля Датцкіе земли, юноша зѣдл чюдень образомъ и дѣлы».²¹⁸ Иван Тимофеев на страницах «Временника» также упоминает о «дружественном короле»,²¹⁹ сын которого должен был стать супругом Ксении Годуновой. В «Ином сказании» и «Летописной книге» во вполне благодушном тоне рассказывается о помощи «ратныхъ людей Нѣмецкихъ и всякихъ земель»,²²⁰ которой воспользовался Василий Шуйский в борьбе с Лжедмитрием II.²²¹

Даже тот факт, что автор «Новой повести» допускает возможность восшествия на московский престол Владислава, сына польского короля Сигизмунда, при условии принятия им православной веры также свидетельствует о том, что не стоит подходить к вопросу восприятия иноземцев на Руси исключительно с позиции бескомпромиссного

²¹⁷ «Разумнии же от них теплыми слезами ланите си омывающе и друг другу глаголюще: «Внимаим о себе, братие, что сии русаки друг другу содевают. Нам же что будет от них?» См.: *Сказание Авраамия Палицына*. Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной, Е. В. Колосовой. Под ред. Л. В. Черепнина. Москва – Ленинград, 1955. 117.

²¹⁸ *Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского*. In: РИБ. Том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891. 579.

²¹⁹ «К ней [Ксении] по воле отца, когда отец еще был жив, привезен был из другой земли жених, сын одного дружественного ему короля...» См.: *Временник Ивана Тимофеева*. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Москва – Ленинград, 1951. 255.

²²⁰ *Иное Сказание*. In: РИБ. Том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891. 118.

²²¹ «[...] нынѣ же Нѣмцы и Крымцы пособіе им дають...» См.: *Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского*. In: РИБ. Том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891. 594.

отторжения.²²² В той же «Новой повести» есть еще один примечательный пассаж, в котором говорится о том, что даже среди иноверных или самих врагов обязательно найдутся люди с мягким и жалостливым сердцем, которые вместе с православными русскими людьми будут горевать о разорении Великого Московского царства.²²³ Так или иначе, несмотря на наличие в рассмотренных нами текстах ряда примеров, противоречащих общей тенденции к дискредитации и демонизации иноземцев, немногочисленность и спорадичность подобных эпизодов позволяют сделать вывод об их второстепенном значении с точки зрения целого текста и создаваемых в нем образов.

---

²²² В эпизоде «Летописной книги», рассказывающем о приезде посольства к Сигизмунду, московские делегаты фактически умоляют польского короля проявить милость и отправить к ним Владислава, чтобы прекратить кровопролитие и восстановить в Московском царстве мир, ибо «[...] яко царскій корень ото Августа кесаря на Московскомъ царствѣ пресѣкаемъ, и мнози волцы и хищницы востаха на ны и на царсующій град...» См.: *Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского*. Изд.: РИБ. Том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891. 603–604.

²²³ «Полагаю, что не только нашей православной веры и христианского рода православный христианин, но и иноверный из тех же врагов, кто хоть мало-мальски мягок и жалостлив сердцем, если не заплачет, то и он вздохнет и скажет: 'Как же такая великая и прославленная во всех странах земля оказалась в разорении, такое Великое царство в запустении, а столь богатая царская ризница в расточении!...'» См.: *Новая повесть о преславном царстве Российском*. Изд.: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987. 53.

Заключение

В данной работе был проведен развернутый анализ образа иноземцев в памятниках письменности, созданных в Московском царстве в первой половине XVII в. и посвященных событиям Смутного времени. Конкретные аспекты восприятия иноземцев изучались в контексте религиозно-философских представлений, распространенных в Московской Руси на начало XVII в. Посредством дискурсивного, культурно-исторического и компаративного анализа мы попытались изучить специфику реализации образа иноземцев в рассматриваемых текстах, ее основные мотивы и регулярность их воспроизведения, выявить предпосылки формирования негативного восприятия иноземцев в Московской Руси и т.д. В результате проведенного анализа был дан ответ на целый ряд вопросов, поставленных во введении к данной работе. Полученные результаты могут быть кратко сформулированы следующим образом:

Смутное время (1598–1613 гг.) стало переломным периодом в истории Московской Руси, оказавшим существенное, а возможно и определяющее влияние на последующий ход развития всего государства. Специфика данного кризиса, поставившего под угрозу существование московской государственности и религиозной самобытности Руси, заключается в его всеохватном и комплексном характере. Помимо хозяйственного упадка, разрушения традиционной социально-политической иерархии и раскола в обществе, результатом Смуты стал глубокий духовный кризис, обусловленный деформацией устоявшейся системы представлений о мироустройстве, а также месте и роли в нем Московского государства. В связи с событиями Смутного времени многие концепты московской религиозно-философской мысли оказались уязвимы, что обусловило необходимость их дополнительной аргументации или переосмысления.

Длительный процесс становления московской религиозно-философской мысли проходил в тесной связи с целым рядом внешне- и внутривосточных факторов, во многом определивших ее специфику. Подписание Флорентийской унии (1439 г.), отвергнутой московским великим князем, подорвало духовный авторитет Византии на Руси и ускорило процесс получения московской митрополией автокефалии. Помимо этого, данное событие значительно способствовало становлению и фиксации представлений о Руси как последнем оплоте истинной христианской веры (православия).

Другим важным следствием стало повышение престижа великокняжеской власти и закрепление представлений о роли московского государя (т.е. светского правителя) как защитника и поборника христианства. Дополнительным весомым аргументом, упрочившим данную идею, стало прекращение формальной зависимости от татар (1480 г.). Вышеуказанные мотивы, в сочетании с верой в божественную предопределенность всего сущего (провиденциализм) и острой критикой католицизма как «еретического учения», оказали значительное влияние на формирование идентичности Московского государства и легли в основу его письменной традиции. С точки зрения формирования религиозно-философской мысли Московской Руси ключевое значение имеют следующие тенденции: (1) утверждение права преемственности русского государства и власти русских правителей в отношении Рима и Византии, в частности, посредством династической связи Рюриковичей с римскими и византийскими императорами; (2) стремление включить историю Московского царства в контекст всемирной и библейской истории, которое сочетается с тенденцией к самообособлению от соседних народов и культур, которое основывается на сознании собственной религиозной исключительности. Важное значение книжники также придают преемственности Московского царства в отношении Киевской Руси как колыбели русского православия и государственности.

В начале XVII в. вышеуказанные мотивы по-прежнему сохраняют свою актуальность и продолжают воспроизводиться в сочинениях московских авторов. В рассмотренных нами памятниках утверждается идея богоизбранности Руси, развиваются концепты нового Рима и нового Израиля, ретранслируется легенда о древнем происхождении династии московских правителей, восходящей своими корнями ко временам античности и т.д. Несмотря на то, что указанные мотивы уже не играют в текстах первостепенной роли, они служат концептуальной основой для разработки новых тем, порожденных кризисными явлениями периода Смуты. Характерной особенностью текстов о Смуте является стремление к критическому анализу происходящих событий и объяснению причин их породивших. Отправной точкой здесь служит представление о Смуте как справедливом и неотвратимом Божьем наказании за многочисленные грехи русского народа и его государей. При этом, суровое наказание за грехи воспринимается как проявление заботы Бога о Московском государстве, целью которой является возвращение «новоизбранного» народа на путь благочестия. Карающий Бог, по мысли книжников XVII в., остается милосердным и готов помиловать

Русь, но заслужить его прощение невозможно без всеобщего покаяния, горячей молитвы и возвращения к праведной жизни.

В контексте религиозного сознания московского общества отношение к иноземцам выстраивалось на основании факта их принадлежности к иной вере. Этнический фактор, при этом, не играл определяющей роли. Согласно идее духовного противоборства с Западом, иноземцы воспринимались, прежде всего, как конфессиональные чужаки, еретики, вероотступники и безбожники. Для данного взгляда также характерно недискретное восприятие западных конфессий, между которыми авторы XVII в. не проводят существенных разграничений. Примером проявления этого феномена служит встречающаяся в текстах взаимозаменяемость конфессионимов (католики, лютеране и т.п.). События Смутного времени, а именно военная интервенция и прямое вмешательство внешних сил во внутренние дела Московского государства, создали благоприятные условия для интенсификации неприязненного отношения к иноземцам, что нашло свое отражение на страницах изученных нами памятников. Таким образом, представления о борьбе за сохранение православной веры экстраполировались на реальный вооруженный конфликт с иноверцами.

В целом, в рассмотренных сочинениях прослеживается тенденция дуалистического противопоставления «мира добра» и «мира зла», которая реализуется на разных уровнях организации текста (лексическом, синтаксическом, композиционном, стилистическом). Примером этого может служить последовательная демонизация поляков, очевидная уже на уровне используемых номинаций («бесовское воинство», «окаянные безбожники», «враги креста Христова» и т.д.). Авторы приписывают полякам качества, которые традиционно ассоциируются с демоническими силами (лукавство, гордыня, коварство, лицемерие, искусительство, дерзость, вероломство). Данные качества проявляются в конкретных действиях противников (напр. попытка хитростью и лукавством завладеть Троице-Сергиевым монастырем и др.). О принадлежности иноземцев к «миру зла», по мысли московских книжников, свидетельствуют и их богопротивные дела: осквернение святынь, надругательство над иконами, разрушение церквей, убийства, грабежи и насилие над православными христианами. Стоит отметить, что первостепенное значение, зачастую, придается именно религиозному аспекту бесчинств иноверцев, в частности, разорению церквей и святынь, а не «светским» преступлениям (см. «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства», «История» Авраамия Палицына).

Антиподом «безбожных еретиков» выступает благочестивое православное воинство (жители осажденного Смоленска, обитатели Троице-Сергиева монастыря, патриарх Гермоген, призывающий паству к покаянию и молитве, участники ополчения и др.). Примечательно, что карающий Бог, в конечном итоге, остается милосердным к Русской земле и в наиболее критические моменты напрямую вмешивается в происходящие события, не допуская искоренения православной веры и уничтожения Московского государства. Непосредственное участие небесных сил в борьбе с неприятелем московские книжники связывают с представлениями о богоизбранности Руси и истинности православия как христианского учения. Композиционно указанная дихотомия добра и зла проявляется в контрастировании образов отдельных исторических персонажей: короля Сигизмунда и патриарха Гермогена, царевны Ксении и Марины Мнишек.

Необходимо отметить, что, несмотря на общую одиозность поляков, гораздо большую неприязнь у авторов-современников вызывают «русские изменники», совершающие двойное предательство веры и государства. Как и иноземцев, авторы причисляют «русских изменников» к «миру зла», что проявляется уже на лингвистическом и стилистическом уровнях текстов через использование аналогичного лексико-семантического и стилистического аппарата для их описания. В этой связи отдельного внимания заслуживает характеристика Лжедмитрия I, сопряженная с сильной эсхатологической коннотацией. Для части авторов Лжедмитрий олицетворяет собой антихриста, пришедшего на Русь по Божьему попущению в наказание за грехи, прежде всего, – за гордыню и властолюбие Бориса Годунова, а также, – за «молчание всего народа», безропотно принявшего узурпацию им власти. Порочность Лжедмитрия подтверждают его тесные связи с Западом, женитьба на «еретичке» Марине Мнишек, сношения с польским королем и Папой Римским. Авторы обвиняют его в намерении не только заполучить трон, но и с помощью поляков уничтожить православие, утвердив вместо него на Руси католическую веру. Однако история Лжедмитрия, как и история Бориса Годунова, весьма поучительна для современников: примеры этих людей служат доказательством того, что за любое попускаемое Богом беззаконие в конечном итоге последует суровое наказание.

Несмотря на очевидно нелицеприятное изображение иноземцев в рассмотренных нами сочинениях, было бы не вполне справедливо говорить о безальтернативности такого подхода. В текстах присутствует ряд фрагментов, противоречащих основной

тенденции конфессионального отторжения. Данные фрагменты могут быть связаны с оценкой дипломатических, воинских, и значительно реже, человеческих качеств иноземцев. Впрочем, ввиду своей немногочисленности и бессистемности такие фрагменты имеют второстепенное значение и не влияют на общую картину. Роль, отводимая иноземцам в событиях Смутного времени, интерпретируется авторами сквозь призму концепции провиденциализма. Несмотря на общее негативное восприятие, авторы не склонны рассматривать происходящие события исключительно как проявление злой воли иноземцев. Военная интервенция понимается московскими книжниками скорее как одна из форм ниспосланного на Русь наказания за грехи. При такой интерпретации иноземцы выступают в роли орудия Божьей кары, а не как полностью самостоятельная движущая сила исторического процесса. Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что проблема изображения иноземцев и иноземного вторжения в Московскую Русь не является доминантой рассмотренных нами памятников, однако, данный мотив представляет собой наглядный пример влияния религиозно-философских представлений на восприятие человеком действительности в Московской Руси, и в этом отношении значение его сложно переоценить.

Литература

Источники

1. *Временник Ивана Тимофеева*. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. ДЕРЖАВИНОЙ. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ. Москва – Ленинград, 1951.
2. *Иное сказание*. In: РИБ. Том 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Санкт-Петербург, 1891.
3. *Новая повесть о преславном Российском царстве*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. и общая ред. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987.
4. *Плач о пленении и конечном разорении*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987.
5. *Сказание Авраамия Палицына*. Подготовка текста и комментарии О. А. ДЕРЖАВИНОЙ, Е. В. КОЛОСОВОЙ. Под ред. Л. В. ЧЕРЕПНИНА. Москва – Ленинград, 1955.
6. *Словеса дней, и царей, и святителей московских*. In: ПЛДР (Конец XVI – начало XVII веков). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1987.
7. *Повесть инока Симеона иерея суздальца, како римский папа Евгений составлял осьмый собор с своими единомысленники*. In: ПОПОВ, А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. Лондон, 1972.
8. *Послание монаха псковского Елеазарова монастыря Филофея дьяку М. Г. Мисюрю Мунехину*. In: СИНИЦЫНА, Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. Москва, 1998.
9. *Послание на Угру Вассиана Рыло*. In: ПЛДР (Вторая половина XV века). Сост. Л. А. ДМИТРИЕВ и Д. С. ЛИХАЧЕВ. Москва, 1982.
10. *Слово избрано от Святых писаний, еже на латыню*. In: ПОПОВ, А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. Лондон, 1972.

Специальная литература

11. АЛЕКСЕЕВ, А. И. *Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI веков*. Санкт-Петербург, 2002.

12. АНДРЕЕВА, Л. А. *Сакрализация власти в истории христианской цивилизации: Латинский Запад и православный Восток*. Москва, 2007.
13. АНТОНОВ, Д. И. *Смута в культуре Средневековой Руси: Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века*. Москва, 2009.
14. ВАСЕНКО, П. Г. *Две редакции первых шести глав «Сказания» Авраамия Палицына*. Петроград, 1923.
15. ВАЛЬДЕНБЕРГ, В. Е. *Древнерусские представления о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII в.* Москва, 2006.
16. ГУДЗИЙ, Н. К. *История древней русской литературы*. Москва, 1953.
17. ДРОБЛЕНКОВА, Н. Ф. *Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность*. Москва – Ленинград, 1960.
18. ДЕРЖАВИНА, О. А. *Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник»*. In: *Временник Ивана Тимофеева*. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. ДЕРЖАВИНОЙ. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ. Москва – Ленинград, 1951.
19. ДЕРЖАВИНА, О. А. *Сказание Авраамия Палицына и его автор*. In: *Сказание Авраамия Палицына*. Подготовка текста и комментарии О. А. ДЕРЖАВИНОЙ, Е. В. КОЛОСОВОЙ. Под ред. Л. В. ЧЕРЕПНИНА. Москва – Ленинград, 1955.
20. ДМИТРИЕВА, Р. П. *Сказание о князьях владимирских*. Москва – Ленинград, 1955.
21. КЛЮЧЕВСКИЙ, В. О. *Конспект лекций курса историографии о Палицыне, Хворостинине*. In: *Ключевский, В. О. Сочинения*. В 9 т. Т. VII. Специальные курсы (продолжение). Москва, 1989.
22. КЛЮЧЕВСКИЙ, В. О. *Курс русской истории*. Ч. III. Петроград, 1918.
23. ЛОГИНОВА, А. С. *Отражение самозванчества в русской публицистике первой трети XVII в.* In: *Россия и Запад: Проблемы истории и культуры*. Сборник научных трудов. Нижневартовск, 2003.
24. ЛОГИНОВА, А. С. *Провинциальные «лжецаревичи» Смутного времени и отражение самозванчества в русской общественной мысли первой трети XVII в.* Нижневартовск, 2004. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Нижневартовский государственный педагогический университет. Научный руководитель – доктор исторических наук СОЛОДКИН, Я. Г.

25. ЛУКИН, П. В. *Народные представления о государственной власти в России XVII в.* Москва, 2000.
26. ЛУРЬЕ, Я. С. *Россия древняя и Россия новая.* Санкт-Петербург, 1997.
27. МИЛЬКОВ, В. В. *Осмысление истории в средневековой Руси.* Москва, 2000.
28. МОРОЗОВА, Л. Е. *Смута начала XVII в. глазами современников.* Москва, 2000.
29. МОЧАЛОВА, В. В. *Polska i Polacy oczyma Rosjan w wieku XVII.* In: BOBRYK Roman – FARINO Jerzy (edd.). *Polacy v oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków.* Warszawa, 2000.
30. НЕФЕДОВ, С. А., ДАННИНГ, Ч. *К новой интерпретации социально-экономических предпосылок Смутного времени.* In: Социальные трансформации в Российской истории: Доклад международной научной конференции. Екатеринбург, 2004.
31. ОПАРИНА, Т. А. *Иноземцы в России XVI–XVII вв.: Очерки исторической биографии и генеалогии.* Москва, 2007.
32. ОРЛОВ, А. С. *Повесть 1606 года о восхищении Российского престола Борисом Годуновым и Лжедмитрием и о воцарении Василия Шуйского.* In: Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. Т. V. Вып. 1. Москва, 1946.
33. ПИККИО, Р. *История древнерусской литературы.* Москва, 2002.
34. ПИККИО, Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык.* Москва, 2003.
35. ПЛАТОНОВ, С. Ф. *Древнерусские повести и сказания о Смутном времени XVII века как исторический источник.* Санкт-Петербург, 1888.
36. ПЛАТОНОВ, С. Ф. *Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв.* Москва, 1995.
37. ПОЛОСИН, И. И. *Иван Тимофеев – русский мыслитель, историк и дьяк XVII в.* In: Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Т. 60. Вып. 2. Москва, 1949.
38. ПОПОВ, А.Н. *Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян.* Лондон, 1972.
39. ПУШКАРЕВ, Л. Н. *Ментальность русского общественного сознания на рубеже XVI – XVII вв. (Эпоха Смуты).* Москва, 2003.
40. ПУШКАРЕВ, Л. Н. *История в общественном сознании России XVII в.* In: Вопросы истории. №9. Москва, 1997.
41. РЫБАКОВ, Д. А. *«Временник» Ивана Тимофеева – несостоявшийся историографический проект начала XVII в.* In: Древняя Русь. Вопросы медиевистики. №2. Москва, 2007.

42. СЕМЕНОВА, Е.П. *И. А. Хворостинин и его «Словеса дней и царей»*. In: Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXXIV: Куликовская битва и подъем национального самосознания. Отв. ред. Д. С. ЛИХАЧЕВ. Ленинград, 1979.
43. СЕРОВА, И. Ю. *История текста «Летописной книги»*. In: Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 44. Ред.: Д. М. Буланин, Д. С. Лихачев, М. А. Салмина. Ленинград, 1990.
44. СЕРОВА, И. Ю. *«Летописная книга» (из истории русской литературы первой трети XVII века)*. Санкт-Петербург, 1992. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Отдел Древнерусской литературы Института Русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Научный руководитель – член-корреспондент РАН ДМИТРИЕВ, Л. А.
45. СЕРОВА, И. Ю. *«Летописная книга» Катырева-Ростовского и «Троянская история» Гвидо де Колумна*. In: Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLII. Ленинград, 1989.
46. СИНИЦЫНА, Н. В. *Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции*. Москва, 1998.
47. СКРЫННИКОВ, Р. Г. *Борис Годунов*. Москва, 2002.
48. СКРЫННИКОВ, Р. Г. *Россия в начале XVII века. Смута*. Москва, 1988.
49. СКРЫННИКОВ, Р. Г. *Россия накануне Смутного времени*. Москва, 1980.
50. СКРЫННИКОВ, Р. Г. *Третий Рим*. Санкт-Петербург, 1994.
51. СКРЫННИКОВ, Р. Г. *Три Лжедмитрия*. Москва, 2003.
52. *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII век). Ч. 1. Отв. ред. Д. С. Лихачев. Санкт-Петербург, 1992.
53. *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3. (XVII век). Ч. 2. Ред. Д. М. Буланин, А. А. Турилов. Санкт-Петербург, 1993.
54. *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3. (XVII век). Ч. 3. Ред. Д. М. Буланин. Санкт-Петербург, 1998.
55. *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII век). Ч. 4. Ред. Д. М. Буланин. Санкт-Петербург, 2004.
56. СОЛОВЬЕВ, С. М. *История России с древнейших времен*. Том 8. Москва, 1858.
57. ФЛОРЯ, Б. Н. *К изучению образа поляка в памятниках Смутного времени*. In: Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. Ред.: И. Е. Адельгейм, М. В. Лескинен, В. А. Хорев. Москва, 2002.

58. ФЛОРЯ, Б. Н. *Польско-литовская интервенция в России и русское общество*. Москва, 2005.
59. ЧЕРЕПНИН, Л. В. *Общественно-политические взгляды Авраамия Палицына*. In: Сказание Авраамия Палицына. Подготовка текста и комментарии О. А. ДЕРЖАВИНОЙ, Е. В. КОЛОСОВОЙ. Под ред. Л. В. ЧЕРЕПНИНА. Москва – Ленинград, 1955.
60. ШАЛАК, М. Е. *Русская смута и общественная мысль XVII века: суждения, оценки, концепции*. Ростов-на-Дону, 2004.
61. ЯКОВЛЕВ, А. И. «Безумное молчание» (причины Смуты по взглядам русских современников). Москва, 1909.
62. ЯКОВЛЕВА, О.А. *К истории возвышения Бориса Годунова*. In: Ученые записки научно-исследовательского института языка, литературы, истории, экономики при Совете Министров Чувашской АССР. Вып. 52. Чебоксары, 1970.
63. *Cambridge History of Russia*. Cambridge, 2006.
64. DUNNING, Chester S. L. *Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty*. University Park, 2001.
65. PERRIE, M. *Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia*. Cambridge, 1995.
66. PŘÍHODA, M. *Člověk staré Rusi v letech chaosu: Avraamij Palicyn*. In: Svět literatury, 2012/22, 45.
67. PŘÍHODA, M. *Konfesijní otázka a vědomí náboženské výlučnosti v konstituování raně novověké identity (na materiálu ruských historických vyprávění o Smutě první poloviny 17. století)*. Slavia, 2013/82, 1–2.
68. PŘÍHODA, M. *Mýtus vládce v ruských polemikách proti Florentské unii*. In: PŘÍHODA MAREK – VAŇKOVÁ HANA (edd.). Slované jazyky a literatury: hledání identity. Červený Kostelec – Praha, 2009.
69. PŘÍHODA, M. *Mnich Filofej a Třetí Řím (vznik a proměny jedné ideje první poloviny 16. století)*. In: GKANTZIOS DRÁPELOVÁ PAVLA – TĚRA MICHAL – PŘÍHODA MAREK – NYKL HANUŠ – SLÁDEK KAREL (edd.). Kulturní, duchovní a etnické kořeny Ruska: portréty. Červený Kostelec, 2009.
70. PŘÍHODA, M. *Od krize carství ke krizi hodnot (kontexty Ivana Timofejeva)*. In: KEDRON KATEŘINA – PŘÍHODA MAREK (edd.). Etnicita slovanského areálu (Historické proměny a současný stav). Červený Kostelec – Praha, 2011.